

ЧЕРНОГОРИЯ.РУ

Вера Лаврина

Что я знала о Черногории до поездки? То же, что и все: там дешевые курорты и туда сейчас многие россияне ездят отдыхать, следовательно, есть море, какое – не знала (часть «Средиземья»). Слышала о каких-то необычных монастырях. Богатые русские массово скупают там недвижимость. При этом я имела весьма смутное представление о том, откуда взялась Черногория, почему она так стремительно взлетела на туристический небосклон? Что-то связанное с гористой местностью на Балканах в районе бывшей Югославии: провинция, анклав, край... Оказалось – независимая страна, отделившаяся в 2006 году от Югославии, которая к тому времени уже была Сербией, потерявшей много других земель.

По нашим меркам параметры Черногории игрушечные. Население – 620 тысяч, (в Кемерово – 530 тысяч). Причем, половина живет в экономической столице Черногории и его окрестностях – Подгорице. В административной столице Черногории Цетинье проживает совсем уж смешное количество: 16 тысяч человек. Площадь Черногории в семь раз меньше, чем площадь нашей области, а наша область является самой маленькой в Западной Сибири. Но после того как я прочла несколько путеводителей по Черногории, прочесала с десятков сайтов, объездила ее города, монастыри, морские побережья, мое великодержавное самомнение сдулось. На этой крошечной территории с древнейших времен разворачивалась бурная, интересная, героическая история, а сама Черногория по красоте и богатству своего ландшафта уступит мало какой стране.

Поездка наша в Черногорию началась с тревожных переживаний. Впервые нам с дочерью нужно было самостоятельно приехать в далекую страну, без путевок, ваучеров, родственников, жить одним, ходить по магазинам организовывать свой отдых и путешествия, как-то общаться с черногорцами. У нас был только адрес квартиры брата в Тивате и телефон Ацо, который должен был нас встретить и дать ключи от квартиры брата Владимира.

Перед поездкой мы обзавелись русско-сербским разговорником, информацией о ценах на продукты, транспорт, туры и всего чего только можно, парой путеводителей, страховками, некоторым количеством евро – там в обиходе они – и некоторым количеством решимости, не знаю уж в каких единицах ее можно измерить.

Перелет от Кемерово до Москвы и от Москвы до Тивата запомнился надолго. Летим мы уже где-то над Уральскими горами, небо ясное, безоблачное, солнышко светит. Пассажиры все с планшетниками, айпадами, айфонами, ридерами, смартфонами. Я с книгой выгляжу уже очень архаично. Пообедали, пора нас чаем-кофеом поить. Самолет стало потряхивать. Стюардессы как-то вдруг исчезли, не показываются, хотя им давно уже надо собирать упаковочные коробки. Тут нас совсем заболтало. Замигали табло: «Застегните привязные ремни». Пассажиры затихли, напряглись, защелкали ремнями. Да, болтанка на десяти

тысячах высоты в безоблачную погоду... Наконец, послышался нарочито бодрый голос капитана: «Дамы и господа, наш самолет попал в зону турбулентности, нас немножко побросает, поболтает, но ничего страшного». «Наверное, успокаивает перед катастрофой, чтоб паники не было», – завертелись мысли. Кстати, капитан пока успокаивал нас, два раза запнулся, сам, видимо, волновался. Мало-помалу зону турбулентности преодолели.

Но этот перелет оказался идиллическим по сравнению со следующим «Москва-Тиват». Турбулентность давала о себе знать постоянно. На весь самолет был один непрерывно орущий младенец возрастом не больше двух месяцев – маленькая Сонечка. И она кричала всю дорогу у моего левого уха, потому что рядом со мной сидел ее папа, тряс и подбрасывал ребеночка в безуспешной попытке утешить. Флегматичная мамаша с застарелыми африканскими косичками сидела через проход, иногда кормила Сонечку. Подкрепившись, та орала с новой силой.

Мы знали, что над Тиватом бушует гроза, наш рейс даже задержали при вылете. Но мы не представляли себе, что такое попасть в грозовой фронт при посадке! Турбулентность зашкаливала. Сиденье буквально улетало из-под тела. Катя показала мне потом свои ладошки – они были в мозолях, так отчаянно она хваталась за кресло. Я стала подводить итог своей жизни, оказалось – не очень внушительный. «Ну, ладно, я-то пожила, а дочь...» Прямо за иллюминатором, у крыла, шарахнула молния. Казалось, что на расстоянии вытянутой руки. Мы почувствовали, что самолет вдруг перестал снижаться и начал набирать высоту. Все еще больше напряглись. Даже Сонечка притихла. Довольно долго мы были в неведении: куда летим и все ли в порядке с самолетом? Наконец, капитан сообщил нам, что из-за погодных условий мы направляемся в Сербию. Наш самолет совершит посадку на запасном аэропорту Белграда. Вздохнули с облегчением: катастрофа откладывается. Заодно и в Сербии побываем.

Сербия с высоты птичьего полета выглядела довольно однообразно (во всяком случае, в районе столицы): бесконечные, без единого деревца поля, поделенные на ровные желтые, зеленые квадраты и прямоугольники – унылый сельскохозяйственный пейзаж. Можно понять разочарование сербов по поводу отделения Черногории.

Простояли мы в аэропорту около получаса, нас не выпускали. Мы с тревогой всматривались в иллюминаторы. Очень быстро менялась погода: когда приземлились, было солнечно, а теперь небо затянуло, ветер усилился. Капитан объявил о начале полета. Впереди нас сидел мальчик, маленький, но уже все понимающий. «Мама, я не хочу лететь! Не хочу лететь!», – захныкал он, когда все защелкали привязными ремнями. Устами младенца глаголила истина: мы все боялись лететь после такого экстремального «воздушного аттракциона». Над Тиватом по-прежнему была большая облачность. Нас опять болтало и бросало, Сонечка разрывалась от крика, мудрый мальчик плакал и вопил: «Мама! Меня качает!» Мы крепко держались за подлокотники кресел, потому что держаться больше было не за что. Благополучное приземление в аэропорту Тивата показалось чудом. Но когда измотанные мы вышли из самолета, нас ожидало настоящее чудо. Гроза ушла, ярко светило солнце, блестели лужи, зеленели раскидистые

пальмы, цвели роскошными белыми, розовыми цветами какие-то неведомые кустарники. Мы сразу увидели море: взлетная полоса шла вдоль побережья. С другой стороны – живописный горный пейзаж. Но самым потрясающим был воздух: после грозы напоенный озоном, морской свежестью, благоуханьем, он казался воздухом рая.

В аэропорту нас встретил Ацо. Он двенадцать лет работал строителем в Москве, выучил русский, взял в жены русскую жену Таню и вернулся в Черногорию. Он предупредительно показал нам ближайшие магазины, рынок, помог купить сим-карту местного туроператора «Теленор» и предложил звонить, если будут какие-либо трудности. Потом еще он привез нам литра полтора хорошего домашнего вина, которое мы с дочерью едва осилили за три недели. А мы подарили ему российский (кавказский) коньяк.

Закупая в первый день продукты, мы сразу столкнулись с особенностями черногорской кухни. Например, в магазинах не было черного хлеба, его вообще здесь не пекут. Поразили караваи и батоны огромных размеров, у нас такие габариты в хлебо-булочной промышленности не предусмотрены. Зато был кукурузный хлеб, который, как я заметила, от хранения быстро терял хорошие вкусовые качества. Не едят черногорцы гречку, ее тоже нет в продаже. С трудом нашли творог, назывался он «мягкий сыр». Жирность некоторых продуктов зашкаливала, например, я видела 30% сметану. С овощами, фруктами на рынке не было проблем. Но надо сказать, что качество фруктов и овощей, такое же, как у нас: помидоры отличаются «деревянностью», как и нектарин, персики, у огурцов толстая грубая кожура, и привозят их уже переспевшими. Чтобы купить качественные овощи и фрукты, надо знать, где и когда они продаются. То же касается мясных продуктов: потом мы уже отказались от сосисок и фарша – попадались совершенно несъедобные. Везде рекламировали особый вкус черногорского меда. Но после алтайского он нам показался довольно банальным. Безупречный продукт – это свежая морская рыба: орада, бронзин. Именно свежая, ни разу не замороженная. Такой рыбы у нас в Сибири отведать невозможно.

Мы сразу купили и те продукты, которые являются так сказать, национальным брендом Черногории: пршут – сырокопченое свиное мясо, каймак – жирная сметана такая слоистая. Что сказать? Непривычные мы к этим продуктам. Пршут был очень соленый, с привкусом сырого мяса. Мы его потом поджарили с луком и яйцом – получилось неплохо, если не обращать внимания избыточную соленость. А каймак очень жирный и «сухой». Я его доесть так и не смогла. Катя сразу заявила, что «это» она есть не будет. Но, может быть, где-нибудь высоко в горах сербские пастухи делают каймак удивительного вкуса.

Что мне понравилось при покупке пршута и сыра, это то, как их нарезают. В магазинах стоят специальные машины, которые мгновенно режут сыр, колбасу, мясо на тончайшие полупрозрачные пластики. У нас в Кемерово я таких машин пока не видела.

По субботам на зеленый рынок привозили свои продукты местные фермеры: овощи, фрукты, домашний сыр, мед, напитки, домашние маринованные оливки со вкусом особенных специй в оливковом же масле. Очень неплохой домашний сыр,

но не козий, тот по обычаю черногорцев очень соленый. Нам единодушно и безусловно из всего этого разнообразия понравился вяленный инжир, который продавался небольшими связками.

Вяленный инжир – это и деликатес, и десерт, и удобная закуска, которую мы брали с собой в поездки. Как-то на пляже у частной торговки купили палачинки, начиненные джемом из инжира. Палачинки – это сербские блины. Блинами нас не удивишь, по нашим меркам, палачинки очень толстые. А вот инжировый джем ели впервые – он был выше похвал. Сколько мы его потом не высматривали на рынках и в супермаркетах – найти не могли. Купили его только в Албании. Но на пляже у торговки домашний джем был вкуснее.

Итак, мы закупили продукты, распаковались, поели и пошли на первую прогулку по городу. Нам нужно было решить одну проблему – купить «белый картон». Я до сих пор не очень понимаю, что это такое, то ли налог на пребывание в Черногории, то ли заменитель регистрации, но как нам сказали, он должен быть. Стоит – 12 евро на человека.

Я заготовила несколько необходимых фраз на черногорском. Туристический офис, где оформляется эта бумага, мы нашли быстро.

– Dobar dan! Govorite ruski? – спросила я у мужчины, который сидел за столом напротив входа.

– Ne. Anglijski.

А я-то наделась, что в международном туристическом центре знают русский.

– Mi treba... belij karton.

Он меня понял и указал на девушку, которая сидела слева от входа. Картон нам быстро оформили. Это простая белая бумажка с соответствующим текстом печатью. Мне нужно было спросить, продают ли они туры по Черногории.

– Mi treba... туры по Черногории, – с трудом подобрала я слова.

Но служащие любезно предоставили флаеры агентства «Феникс», указав его адрес.

– Там говорят «русски»?

– Да, да.

Мы были очень довольны тем, что преодолели языковой барьер и получили нужную информацию. Однако белый картон нам оказался не нужен, нигде никто ни разу не поинтересовался:

– Има ли господья белый картон?

Тиват не является крупным центром, здесь нет песчаных пляжей, не много и курортников. Поскольку его миновал курортный бум, он сохранил облик ухоженного южного приморского городка с виллами каждая на свой особенный манер, малоэтажными многоквартирными домами, без торчащих штырями высоток.

Вечерами в Тивате все устремляются на набережную, и мы, конечно, тоже поспешили туда. Каждый вечер сюда пришвартовывался чудесный парусник – «Jadran», что в переводе означает «Адриатика» (я узнала, наконец, что Черногорию омывает Адриатическое море). Этот романтический парусник с высокими мачтами, стройным силуэтом, хотя и был с белыми парусами, привел бы в восторг любую Ассоль. В нас он будил поэтические мечты о дальних морских

путешествиях. На его борту было написано «учебский брод», что значит, учебный корабль.

Далее на набережной располагался порт «Монтенегро», куда пришвартовываются роскошные яхты со всего света. В противоположной стороне есть пирс, где в заливчике стоят на приколе совсем дешевенькие лодки и катера. Он грязный и вонючий, его хочется быстрее миновать.

Когда мы вернулись к дому на площадь Магнолии, нас ждал сюрприз. На террасе рядом с кафе играл духовой оркестр. Дирижировала им молодая девушка с упругим, как струнка станом. Она очень уверенно управлялась с мужским оркестром. Своей тоненькой дирижерской палочкой, как волшебной, извлекала из оркестра неожиданные вступления и музыкальные акценты. Видно было, что оркестр любительский, потому что играли люди всех возрастов от детей до стариков. Но очень креативный. Подбор мелодий был интересный: от классических вальсов и джаза до рока. Поскольку ни до, ни после оркестр не появлялся на площади, мы решили, что выступал он в этот единственный вечер в честь нашего приезда.

Первые три дня мы осматривались, обживались, ходили на местные пляжи. Пытались освоить элементарный разговорный язык. Еще дома взялась за его овладение, так как понимала, что рядом не будет никого со знанием английского или сербского языков. Знающие люди мне сказали, что, несмотря на близость языков, беглую сербскую речь я не разберу, но когда начну конкретно о чем-то спрашивать, то понять друг друга можно. Так оно и оказалось. Первые выражения, которые я выучила еще дома, были: «koliko to kosta?» «to je preskupo» – «сколько это стоит?» и «это дорого». Еще нужны были выражения; «mi treba...», «možete li mi reći...» – «мне нужно...», «можете ли мне сказать...»

Некоторые сербские слова меня не то, что веселили, но были интересны оттенками смысла или открывшимися корнями: «хвала!» - спасибо, «молим» - пожалуйста (теперь чаще говорят «изволите» вместо «молим»), «опростите» – простите (типа «не цените меня высоко»), трг – площадь, «sobe» – номера, или комнаты то есть «возьму к себе», «менячница» – обменный пункт.

Иные слова, которые у нас употребляются в ироничном или негативном смысле, там вполне конвенциональные: «торба» – сумка, «позорница» – театр (Большой театр звучит как «Велико позорница»), «глумец» – актер, «попуст» – скидки, «улаз» – вход, «излаз» – выход, «долазак» - прибытие, «понос» – гордость. Вежливое обращение: «господин и господья», при советской власти – «друже» (все-таки приличнее, чем «товарищ»).

Вопросы-то по разговорнику я научилась задавать, а вот что мне отвечали – «не разуме».

Ориентироваться в новой культурной среде и преодолевать языковой барьер нам стало гораздо проще, когда мы познакомились с Марией, молодой женщиной с роскошной копной вьющихся светло-каштановых волос. Мария работала в туристическом агентстве «Феникс», флаеры которого нам дали в туристическом центре. «Феникс», действительно, ориентирован только на русскоязычных туристов. Агентство было расположено по соседству, на той же площади Магно-

лия. И потом мы часто заходили к Марии со своими проблемами. Она советовала нам, на какой пляж ездить, какую рыбу покупать в магазинах, как добраться до автовокзала, переводила нам некоторые нужные слова, просто болтала с нами, рассказывая о современной жизни в Черногории, вообще, была нашей палочкой-выручалочкой.

С первых же дней мы увидели, что присутствие русских в Черногории не просто внушительное, а лавинообразное. С 2007 года россияне занимают первое место по численности иностранных туристов. Везде слышна русская речь. Предложение номеров и продажа недвижимости во многом ориентирована на русских. Повсюду объявления о продаже недвижимости и сдаче «apartamani» – апартаментов на трех языках: сербском, английском и русском, а иногда и вовсе только русском. В системе сервиса, тем не менее, не очень часто знают русский, но для того, чтобы что-то заказать или купить, не обязательно знать сербский, ваш русский будет понят. К русским относятся доброжелательно или скажем тверже – без раздражения. И поскольку Черногория сейчас испытывает экономические трудности и живет в основном за счет туризма, местные жители благожелательно относятся к тому, что приезжает много туристов, и покупателей, которые привозят с собой много евро. В разгар сезона в курортной стране цены на продукты такие же, как у нас, а кое-что и дешевле. Цены на жилье несопоставимо низкие по сравнению с другими курортными зонами. Даже французы, имея под боком лазурный берег, приезжают отдыхать в Черногорию. Низкие цены, море, близость языка, черногорская эмпатия по отношению к нам и привлекают сюда толпы русскоязычных туристов и покупателей недвижимости.

Особенно интересной была картина в аэропорту Тиват во время нашего отлета. В Черногории только два аэропорта – в Подгорице и в Тивате. На курорты прилетают и улетают в основном через Тиват. Аэропорт был битком набит русскими пассажирами: на кого не посмотришь – все говорят по-русски. Ну, просто какой-то филиал Шереметьево. Я встретила там не земляка даже, а коллегу – Женю Качалина, зав. музыкальной частью студклуба Кузбасского технического университета. Он с семьей отдыхал в Будве, летел на том же рейсе до Москвы и Кемерово. Правда, в Москве мы отстали от самолета, но это уже другая история. В аэропорту мы с изумлением обнялись и расцеловались. Так вот: черногорский аэропорт полон русскими пассажирами и только девушки черногорки в униформах ходят и с акцентом громко выкрикивают русские фамилии опаздывающих на рейс пассажиров – фантазмагорическая картина. Я подумала о новой экспансии русских в Восточную Европу.

День за днем мы знакомимся с повседневной жизнью Тивата. На улицах ездят в основном немецкие машины, есть и японские, итальянские, пару раз встретили нашу «Ладу». Интересно было смотреть на номера машин. Очень много машин с сербскими номерами – «srb», их почти столько же, сколько черногорских – «mne». В Будве встретили одну машину с московскими номерами – доехала!

В парках встречались редкие собачатники. Собаки – преимущественно лабрадоры, черные и белые, очень дружелюбные, с удовольствием подходят знакомиться.

Во время одной из прогулок на окраине города мы набрали на старый заброшенный парк с тянущимися к небу чудесными стройными кипарисами, огромными величественными соснами. Он был расположен на небольших холмах, что придавало ему еще большую живописность. На меня он произвел большое впечатление эстетикой запустения, которая мне почему-то мила и близка. Мы видели остатки гигантских бетонных беседок, лестниц. В центре стоял полуразрушенный каменный двухэтажный дом, без стекол, с исписанными стенами. Все хранило следы непритязательного социалистического дизайна. Поразил еще удивительный очень сильный звук, который шел по всему парку и рождался, будто из воздуха. Звон, треск, гул – если все это смешать, то получится тот звук, который слышался. Были догадки, что эта саранча, но я и представить себе не могла, что саранча может издавать звук такой силы. При этом не было видно повреждений листвы, травы. Оказалось, действительно, саранча. И в Черногории в рощах, лесах, парках – везде, где мы побывали, стоял это треск и звон. Однако сады зеленели, плоды зрели. Видимо, хватало всем – и людям, и саранче. Никого эта саранча не беспокоила. Я спросила у местных:

– У вас всегда столько саранчи?

Они настолько к этому привыкли, что он поначалу и не понял мой вопрос.

– Ну, да, летом, – как-то неуверенно ответили.

В Черногории пока нет мультакасс, во всяком случае, в Тивате мы их не видели. Зато есть некоторые приспособления для борьбы с жарой. Жара здесь изнуряющая. Как во всех южных странах, существует фиеста с 12 до 16. Но это не касается торговых заведений, кафе и ресторанов. Вдоль некоторых улиц и площадей проложены желобки, по ним иногда течет вода, может, не только для охлаждения, но и для полива. Более дорогие открытые кафе имеют систему охлаждения с помощью воды: в жару через трубочки по террасе распыляется прохладная водяная пыль. Это удивительно приятное ощущение – попасть во время пекла в прохладное влажное облако.

Удивили некоторые детали. У магазинчиков стоят холодильники с напитками, продавец где-нибудь неподалеку или вообще надо зайти внутрь магазинчика, чтобы рассчитаться, никто не сидит на привязи, чтобы смотреть за тем, как и что берут из холодильников покупатели. То же самое касается и газетных киосков, слева и справа от них стоят лотки с газетами, которые продавцу в стеклянной будке вообще не видны, высунуться он не может. Люди берут газеты и расплачиваются через окошечко. Есть, кстати уже местная пресса на русском языке. Мне кажется, что правительство Черногории специально выделила деньги для такой торговли, которая поначалу может привести к убытку. Зачем? Чтобы воспитывать честность и порядочность у своих граждан. Ведь, как показывает практика, это громадный капитал.

В супермаркетах нет привычных ящичков с замками и ключами, сумки просто вешают на низкие металлические вешалки перед входом, без всякой охраны.

Но нельзя, конечно сказать, что в Черногории торговые и другие услуги предоставляются исключительно по законам чести. Нам сказали сами черногорцы, что таксисты, когда слышат от клиентов русскую речь, цены заламывают вдвое.

Зверски дорогой оказалась для нас и сотовая связь. Причем деньги со счета за переговоры с Россией снимали по каким-то таинственным, известным только «Теленор» правилам, тариф зависел, видимо, от настроения. Иной раз исчезало около 4-х евро за 1,5-2 минуты разговора. Когда мы обратились со своими недоумениями к Марии, она сказала: «Мы сами не понимаем их тарифы. Они воруют», – с уверенностью заявила она. Есть нечестные продавцы. Одна молодая прошмондовка, в кондитерском магазинчике, честно глядя в глаза, назвала нам цену в два раза выше реальной. Я переспросила. Она повторила ее. Хорошо, что речь шла лишь о 3 евро.

Вблизи автобусных остановок стояли столбы для объявлений о продажах и покупках, и тут же вывешивались своеобразные некрологи с фотографиями – сообщения о смерти кого-либо из жителей данной улицы или района, месте и времени погребения. Такие столбы мы видели только на окраинных улицах, в центре их нет.

Поговорим о черногорских мужчинах и женщинах. Мы помним, что среди лучших баскетбольных команд была мужская команда югославов с игроками гигантского роста. Мужчины Черногории сохранили это преимущество. Есть и такой же тип женщин – высокие, стройные, с красивыми, несколько удлиненными лицами, прямыми носами. Особенно прелестными их делает то, что они золотистокожие брюнетки. Однако со многими женщинами и девушками прштут и каймак делают свое черное дело. Они рыхлые, с тяжелыми формами. Мне показалось, что красивые девушки встречаются чаще, чем красивые мужчины. Но у черногорских мужчин есть преимущество – они чаще и дольше остаются волосатыми. Много длинноволосых седых, если не стариков, то зрелых мужей.

Черногорские мужчины могут предаваться одному занятию, которое русских не заставишь делать: самозабвенно лежать на шезлонгах и загорать. Русские мужчины будут печь шашлыки, пить пиво, флиртовать с девушками, обсуждать мировые проблемы, читать, прохаживаться, ну, купаться в лучшем случае, но едва ли вы их уложите на лежак дольше, чем на десять минут. А здесь мужчина может один прийти на пляж и лежать без движения на шезлонге.

Универсальная уличная одежда приморских городов: шорты, майки, сланцы, шляпки с короткими полями, на манер чилийских. У молодых девушек – очень короткие шорты, у мужчин – подлиннее. Мужчины не носят головных уборов, у них красивые волосы. Женщины средних лет еще-таки иногда носят платья и юбки. В присутственных местах клерки, официанты, водители автобусов одеты в униформу. Вот, кого я не могу вспомнить, так это черногорских полицейских и гаишников. То ли страна без них обходится?

Первая наша поездка состоялась на пляж «Плави горизонты» – «Голубые горизонты». Об этом пляже мы читали на сайтах и форумах (сайт Черногория.ру), и Маша тоже посоветовала нам поехать туда. Тиват расположен в одноименном заливе, пляжи в городе или бетонные или с крупными камнями, без вида открытого моря. Ближайшее место, где открывается Адриатика – Плави горизонты. Ехать туда 30-35 минут на автобусе.

Пляж нам поначалу очень понравился. Это небольшая бухта с песчаным берегом. Песок светлый, мелкий, как мука. С двух сторон пляж окаймлен скалистыми мысами. Слева и справа по мысам тянется красивый парк. Много раскидистых деревьев растет и вдоль пляжа. Удивление началось тогда, когда я решила прогуляться по парку и выйти на берег каменного мыса. Тут я столкнулась с проблемой, которая нас будет не раз преследовать в Черногории – острая нехватка общественных туалетов. На весь огромный пляж был один платный туалет в кафе. Что люди в таких случаях делают, объяснять, думаю, не надо. Весь прекрасный парк был пропитан неприятными запахами человеческой жизнедеятельности, свернуть куда-то с тропинки или аллеи, чтобы не наткнуться на следы этой деятельности тоже было невозможно (хорошо, что я не пишу рекламную статью про Черногорию). Перетерпев все это и выйдя на каменистый берег мыса, я была вознаграждена чудесным видом на Адриатику. В солнечный день поражал цвет воды, волны играли всеми оттенками лазури, бирюзы, насыщенного фиолетового цвета, на воде вспыхивали синие искры. В водах Адриатики очень большое содержание соли, поэтому никакого особого умения плавать не надо, пока ты шевелишь руками и ногами – вода держит. Плыть в открытое теплое море, когда перед тобой круглится безбрежный синий горизонт, приятное и волнующее занятие.

Черногория объявила себя экологической страной, в том смысле, что она не будет использовать никакие технологии, приводящие к загрязнению воды, воздуха, земли. В интернете на форумах мы прочитали полемику о чистоте черногорских пляжей. Кое-кто высказывал мнение, что наличие порта «Монте-негро» приводит к тому, что вода все равно загрязняется: прочищаются помпы, какие-то еще механизмы и все это выливается в море. Могу сказать, когда мы в третий раз ездили на Плави горизонты, вода в бухте была покрыта тонкой маслянистой пленкой. Чтобы искупаться в чистой воде, мы шли на берег мыса. Еще хуже было в Будве, но об этом чуть позже. Когда мы плыли по Бока-Каторской бухте на пароходике, видели, как в воде болтались булки хлеба, батоны, даже пластиковые канистры.

На четвертый день нашего пребывания в Черногории мы поехали в однодневное путешествие на Скадарское озеро. Все местные туроператоры продают только однодневные туры по Черногории и близлежащим странам. Когда я спросила почему, Маша сказала мне, что так проще, не надо решать вопрос с гостиницей и питанием, да и туристы быстрее раскупают дешевые туры на один день. Поэтому я не нашла туров, например, в Сербию с посещением Белграда. Туда за день не съездишь.

В туры от турфирмы «Феникс» мы ездили на микроавтобусе с гидом Драганом Княжевичем (Княжевич – фамилия, отчество у сербов нет). Было ему к семи-десяти, но выглядел он замечательно: симпатичный высокий, стройный, подтянутый, чуть седоватый. Когда мы сделали первую остановку у знаменитого острова-отеля свети Стефан, к Драгану подбежал мальчик лет семи и радостно обнял его. Оказалось, что это его внук, а потом подошла и дочь, которая вместе с мужем ехала на машине за нами. Дочерью оказалась ... Маша. Накануне она говорила

нам, что тоже хочет съездить на Скадарское озеро на денек, отдохнуть и сына с собой взять: «Ни разу еще за лето никуда не выезжали. Столько работы!», – сетовала она. Ее муж Слободан был исполнительным директором «Феникса» и водителем по совместительству – вобщем, семейный бизнес. Родоначальником этого бизнеса стал Драган, который в молодости через «Спутник» – молодежную студенческую организацию – занимался югославско-советским обменом молодежи и студентов. Встречал молодежь из Советского Союза, сам не раз ездил в СССР. Он имел техническую специальность и намеренно не учился на переводчика. Маша с детства слышала русскую речь, начала говорить по-русски. В семейном предприятии она некоторое время исполняла обязанности гида, теперь вела офисную работу. Кстати, рекомендую их фирму «Феникс» на площади Магнолии в Тивате.

Водителем нашим был Дарко Радович. Как мне нравятся сербские имена! Желько, Николина, Бояна, Зорица, Златко, Мирка, Милан – в них столько нежности и притягательности.

Горная дорога на Скадарское озеро шла вдоль очень живописного побережья Адриатики, так называемой Будванской ривьеры. Она взлетала высоко на перевалы, петляла между горных вершин. По черногорским дорогам быстро не поедешь, они узкие, с большим количеством поворотов, подъемов и спусков и достаточно загруженные. Но ездить по ним не скучно – ландшафт прекрасный. Отвесные скалы над дорогами забраны металлической сеткой. Встречаются таблички, памятники и венки вдоль дороги – памятные знаки автокатастроф.

Горы в Черногории не черные, а зеленые. Как нам потом объяснили, черными они казались прежде от особого вида хвойных деревьев (может, пихт?), которые встречаются сейчас редко. Это побережье называли «Montenegro» итальянские моряки еще в средние века, потом это название так и прижилось.

Справа от нас простирался берег, изрезанный бухтами, мысами, с рассыпанными вдоль него маленькими и большими островами. По этой дороге мы будем ездить еще много раз. Драган рассказывал нам про историю и особенности городков и памятных мест, которые мы проезжали. В его голосе чувствовалась усталость: туристический сезон заканчивался и сколько раз он уже наматывал километры по этой дороге, повествуя о том, как бедное рыбацкое побережье превратилось в курортную зону с отелями, виллами, апартаментами. Некоторые города побережья, как определили археологи, оказались современниками античной цивилизации – например, Будва, нынешняя туристическая Мекка Черногории, ей более двух тысяч лет.

Из окна автобуса Драган показал нам старый рыбацкий дом. Он стоял особняком на лесистом склоне – маленький башнеобразный домик из светлого камня с односкатной черепичной крышей. Раньше черногорцы думали, что море нужно для того, чтобы ловить рыбу, но теперь они поняли, что морем можно выгодно торговать. Все побережье лихорадочно застраивается.

Само озеро – красивое, окруженное горами, прорезанное мысами, украшенное островами. Мы отправились на прогулку по озеру на небольшом катере. Долго плыли по заболоченной протоке, слева и справа цвели лотосы

или водяные лилии, кувшинки, плавали птицы с выводками. В центре озера лодка остановилась, и начался пикник на воде. Сын Марии Вук разносил нам пончики. Ему дали порулить лодкой. Мы с удовольствием фотографировали усердного улыбчивого мальчика.

– Ну, вот, потом появятся фотографии в интернете: как в Черногории используют детский труд, – пошутила Мария, – Нас в наручники закуют – и в тюрьму.

Вук органично приобщался к семейному бизнесу. Слободан угощал нас яблочным соком, вином и ракией. Я попробовала ракию, думаю, что цена ее была гораздо ниже 10 евро. Я помню непереносимый запах первача, который гнали в деревнях, звали его хана. И запахом, и вкусом ракия была такая же. Выпить я не смогла – выплюнула в озеро (незаметно).

Лодочка причалила к уютному берегу. Вода в озере была не просто теплой, а горячей, она мало остужала. После купания мы поднялись в конобу, – маленький ресторанчик в местном стиле и с местной кухней. Она примостилась на высоком берегу в роще между каменных уступов. На обед подали озерную рыбу: жареных карпа, форель, маринованную уклейку. Скадарский жареный карп великолепен! Мы всей кампанией сидели за большим длинным столом на прохладной террасе. За деревьями открывался вид на озеро, окружающие его горы. За обедом в конобе появилось редко возникающее между незнакомыми и случайно собранными людьми чувство непринужденного общения. Во многом, благодаря потрясающей коммуникабельности бывшего летчика из Москвы Владимира. Владимир играл первую скрипку. Он обращался к незнакомому человеку так запросто, будто это был его давний друг. Рассказывал смешные истории из богатого летного прошлого, шутил, острил, вовлекая всех в разговор. Когда мы стали спрашивать, кто откуда, то оказалось, что один москвич в студенчестве работал в стройотряде в Томской области.

– А я училась в Томске – земляки!

Больше такого живого общения с соотечественниками не получалось. К нам иной раз подсаживались одинокие дамы, были они какие-то закрытые, напряженные, неразговорчивые.

30 июля мы поехали в Дайбабский монастырь и Острог.

Для меня и как путешественницы, и как паломницы знакомство с православными святынями Черногории было особенно интересно. Через это знакомство открылись прежде мне неизвестные духовные связи Черногории и России. Кстати, герб Черногории на первый взгляд почти неотличим от российского: такой же хищный двуглавый орел с державой и скипетром в лапах. Только на груди у него не Георгий Победоносец, а лев, и вместо трех венцов над головой – один.

Сами Черногорцы считают, что тремя самыми великими монастырями в их стране являются Цетинский монастырь, монастырь Острог и Дайбабский. Они перечислены именно по чину: первый Цетинский, затем Острог, и Дай-

бабский. Мы посетили их в обратном порядке: сначала Дайбабский, затем Острог и Цетинский.

Дайбабский монастырь находится в четырех километрах от столицы Подгорицы, на Дайбабской горе, где неподалеку было селение с таким же названием. Сейчас окрестностями этого монастыря является неприглядная промзона алюминиевого завода, который купил русский олигарх Дерипаско. Монастырь состоит из храма Успения Богородицы и небольшого паломнического дома за храмом. Храм представляет собой нерукотворную крестообразную пещеру с алтарем в центральном гроте, шириной всего лишь два с половиной метра. Внешне храм имеет обычный фасад с двумя колокольнями. Заходишь через низкую дверь, спускаешься вниз по ступеням и оказываешься в удивительном мире.

Неровные стены пещер расписаны рукой самого основателя монастыря Симеона Дайбабского. Он не был художником, но переполнявшее его духовное горение вдохновило на создание оригинальных образов: святые со строгими лицами и огромными глазами взирают из полутьмы на посетителей. Фрески осыпаются, покрыты копотью, некоторые из них плохо различимы.

Симеон Дайбабский учился в Киево-Печерской лавре и там был подстрижен в монахи; и, наверное, при устройстве храма преподобный не мог не вспоминать святых пещер Киево-Печерской обители, где он принимал постриг.

Монастырь был основан в 1897 году. Он имеет интересную предысторию. Бедному пастуху Петко из села Дайбабе было видение наяву: Ему явился человек в золотом облачении, который сказал, что он святой, но его здесь закопали от турок, что он был владыкой этого края: «Хочу, чтобы ты построил мне монастырь». На это Петко ответил: «Я беден, отче». – «Богатый и не нужен. Нашлось бы желание. Построй сначала маленькую церковку». И вот Петко ездил и в Цетинье, и в Острог со своим рассказом. Сердечно принял его рассказ лишь Симеон, который был тогда Поповичем и жил в монастыре Острог. Все свои средства он пожертвовал на устройство монастыря. Полвека, до своей кончины в 1941, Симеон провел в монастыре. Он стал подлинным светильником благочестия. Ныне здесь покоятся его мощи. Петко же стал иеромонахом Платоном.

А мощи того самого святого, явившегося Петко, до сих пор не нашли. Сегодня в Дайбабском монастыре подвизается всего один монах, каждый день он молится об обретении этих мощей.

Пятьдесят лет, никуда не стремясь, жил здесь Симеон, обозревал один и тот же пейзаж, днями и ночами молился в темной пещерке. Что же такое, недоступное для нас, он переживал и ощущал? Что держало его полвека на этой сухой горе и в тесной пещере? Нам, кочующим и жаждущим постоянной смены впечатлений, этого уже не понять и не постигнуть.

Дальше наш путь лежал в Острог. До поездки я слышала, что в Черногории есть какие-то особенные монастыри. Потом увидела многочисленные фотографии этого удивительного монастыря – Острога. Однако они совер-

шенно не передают то волнующее и оглушительное впечатление, которое оказывает монастырь уже при первом взгляде на него.

«Не может быть!» – говорили мне друзья, когда я рассказывала им, что монастырь Острог находится в скале на высоте 900 метров. Когда мы въехали в ущелье и Драган указал нам маленький крест, белеющий чуть ли не на вершине противоположной горной гряды, пояснив, что это и есть Острог, я тоже подумала: «Не может быть!»

К монастырю ведет восьмикилометровый серпантин. Наш микроавтобус начал взбираться вверх по серпантину. Драган стал рассказывать об истории создания монастыря и его основателе Василии Острожском. Будущий святой родился в 1610 году. В детстве он был отдан благочестивыми родителями в монастырь, потом стал архимандритом, среди прочих совершил паломническую поездку на Русь, откуда привез много богатых даров, деньги благотворителей. Тут я посмотрела вниз и... потеряла нить рассказа. Края дороги видно не было, мы в буквальном смысле ехали над пропастью. Лишь кое-где кромку дороги отмечали низкие бетонные блоки, а редкие булыжники были поставлены, думаю, лишь для психологической поддержки водителей. При этом дорога была однополосная, машины же ехали в обе стороны чуть ли не бороздя боками друг друга. Я схватилась за подлокотник, потому что больше не за что было держаться. В голове всплыла фраза из одного путеводителя по Черногории: на опасной дороге к монастырю Острог не было ни одного происшествия, так как Василий Острожский хранит паломников. И правда, только молитва может уберечь от аварий на такой дороге. И черногорские водители очень уверенно чувствуют себя на этой немислимой дороге. Дарко не выказывал никакого напряжения, шутил, болтал. Я заметила, за рулем некоторых встречных машин девушек, старушку в преклонном возрасте. Причем одна девушка болтала по сотовому телефону. Ну, отчаянные дамы! И на всю эту дорогу был один дорожный знак: ограничение грузоподъемности – 10 тонн – весьма любезно.

Включиться в рассказ гида мне так и не удалось до самого монастыря – боялась, маловерная. Но когда мы въехали на площадь перед монастырем: сверху вся долина открылась нам с высоты птичьего полета, и передалось это упоительное ощущение парения.

Думаю, можно сказать, что монастырь Острог, в котором хранятся мощи Василия Острожского является православным духовным центром Черногории. В скальной нише – белоснежная крестообразная постройка: Вертикальная ось креста – колокольня – горизонтальная – церкви. Рядом еще гостиница.

Я спросила у Драгана, почему монастырь построили так высоко. Он сказал, что существует два объяснения: во-первых, чтобы лучше было защищать от турок этот островок христианской веры; во-вторых, здесь первоначально была деревня, где и возник монастырь.

Сюда стекаются огромное количество паломников. В сорокоградусную жару под солнцем в будний день мы простояли в очереди около двух часов.

Сначала поднялись в Введенскую, очень маленькую, тесную, церковь размером 3х3 метра. В ней Василий Острожский молился в течение 15 лет и здесь же покоятся его мощи. У раки с мощами святого на высоком кресле сидел старый седой монах с крестом, возможно, настоятель. Он ласково смотрел на паломников. Мы поцеловали крест и потом приложились к мощам Василия Острожского. Рака была полуоткрыта, мощи укрыты плащаницей. Потом перешли в помещение, где подавали записочки о здравии и упокоении и затем поднялись еще на несколько пролетов вверх к вырубленной в скале Крестовоздвиженской церкви, тоже маленькой и тесной, немислимым образом прилепившейся к скале справа от колокольни. Ее неровные каменные стены украшены фресками. Рядом с церковью прямо из скальной расщелины растет чудесная виноградная лоза. По преданию, она появилась еще при жизни Василия Острожского.

Эти тесные, лишенные лоска церквушки, украшенные неловкой росписью, безмолвно свидетельствуют о непререкаемой крепости веры. И весь строгий белоснежный ансамбль, вознесшийся к вершинам пропеченных солнцем скал, хранит подлинное величие и высоту духа.

Каждый паломник получает в подарок святую воду и масло, освещенное на мощах Василия Острожского.

В пяти километрах от Верхнего монастыря есть еще нижний. Наш гид Драган сказал, что люди, которые особенно почитают Василия Острожского, идут от Нижнего монастыря к Верхнему босиком или даже на коленях, но не по серпантину, а по более короткой тропинке. В Троицком соборе Нижнего монастыря хранятся кисти рук 15-летнего Станко, их мальчику отсекали турки за то, что он не хотел выпустить Святой Крест. Почерневшие нетленны кисти выставлены в ковчеге рядом с алтарем. На стене храма чудесная фреска: Василий Острожский в окружении с надеждой обращенных к нему страждущих людей. Калеки, бесноватые, слепые, бездетные женщины и даже иноверцы-мусульмане ждут помощи от великого чудотворца.

И в Дайбабском монастыре, и в Остроге мы видели немало икон русских святых. Черногорцы их знают и почитают (чего не скажешь о нас). Это были иконы Серафима Саровского, Александра Свирского, Елизаветы Романовой, царственных мучеников, в Цетинском монастыре видела «Троицу» Рублева. Вообще в Черногории очень почитательно относятся к Русской Православной Церкви.

По пути в Острог, мы заехали в ресторан «Бавария», и кто хотел, заказал себе обед, с тем, чтобы съесть его на обратном пути. Мы с дочерью решили отведать ресторанной черногорской кухни и тоже заказали. На этом обеде я хочу остановиться подробнее, чтобы черногорцам стало стыдно за то, как они кормят туристов в придорожных ресторанах. Обед состоял из трех блюд, но их можно назвать одним под разными номерами: разводилово номер один, номер два и номер три. Разводилово номер один был салат из крупно нарубленных перележавших овощей со стандартным набором: деревянные помидоры, огурцы с кирзовой кожурой и горький лук в огромном количестве.

Разводиловом номер два была суп-лапша. Ее вкус и вид хорошо знают студенты, которые в общежитиях готовят супы из пачек – Галина Бланка. На второе уже без всяких иллюзий я ожидала что-то похожее на тушенку, и не ошиблась! Подали картошку с огромными кусками мяса, которое заготавливалось и тушилось, видимо, на неделю вперед – вкус консервированного тушеного мяса, и соответственно – разводилово номер три. За все это безобразие с нас взяли по 11 евро с носа, как за хороший обед с вином. Может, Драган и получил комиссионные за то, что он нас привез в этот дрянной ресторан, но мы получили негативный опыт и установку: никогда не обедать в придорожных ресторанах в Черногории.

Первого августа мы отправились в Хорватию, в город Дубровник, расположенный примерно в часе езды от границы Черногории. Хорваты те же славяне, только католики. Хорватия также была частью Югославии.

Доехали до границы быстро, но на самой границе стояли почти час в очереди на солнцепеке. Система кондиционирования без движения работала плохо, выйти было нельзя, так как сразу окажешься под прямыми лучами солнца. Скоро нас уже вполне можно было консервировать. Наконец, зашла девушка в форме хорватского пограничника. Как ее учили опытные пограничники, цепко и быстро вглядываясь в наши лица, чтобы не пропустить врагов Хорватии, собрала паспорта. Потом мы увидели едва различимые штампы. На обратном пути никакого штампа о том, что мы выехали, нам не поставили. Цирк! Как порой раздражает эта брутальная серьезность молодых государств. Вот, когда мы ездили в Албанию, на границе гид собрала паспорта и унесла в таможеню, никто не заскакивал к нам в автобус, чтобы внимательно взглянуть в наши лица. Да и штампа никакого не поставили, просто отсканировали паспорта.

Итак, мы пересекли наконец-то границу и въехали в Хорватию. С пристальным вниманием рассматривали пейзажи, придорожные поселки. Хорватская архитектура немного отличается от черногорской, она более простая и строгая, хотя мы видели те же добротные дома из светлого камня с красными черепичными крышами. На склонах гор, где нет воды и человеческой заботы, растут дикие густые заросли невысокого кустарника. Но стоит лишь приложить труд и старание, как вырастают гигантские средиземноморские сосны, вздымаются пальмы, плодоносят деревья, вьется виноград, зеленеет трава и благоухают цветы. И в Черногории, и в Хорватии эти пейзажи часто перемежаются: сухой, дикий и ухоженный, цветущий.

Дубровник называют жемчужиной Адриатики, город включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Какое-то время существовала республика Дубровник, которая занимала узкую полосу вдоль Адриатики, протяженностью в 100 километров. С помощью дипломатии и золота маленькая республика отбивалась от византийцев, венецианцев и турок.

Сейчас сюда съезжается огромное количество туристов со всей Европы и все устремляются в старый город.

Нашим гидом в Дубровниках был Александр, друг Драгана, он 20 лет преподавал русский язык в школе. Чувствовалась учительская манера ведения экскурсии – как хорошо подготовленный и выверенный урок. И почему бы он не был нам симпатичен? Ведь когда-то в молодости, Александр выбрал русский в качестве своей специальности.

Старый город окружен добротной и эстетично сделанной крепостной стеной. Внутри уютный и интересный. Улочки узкие, в северном направлении они представляют собой высокие лестницы, вдоль которых стоят дома. Кроме общественных зданий, дома, которым по 600-700 лет, все жилые, и в них живут счастливые наследники дубровнической знати. Мостовые сделаны из светлого камня, отшлифованные веками, они блестят, как начищенный паркет. Всюду, где только можно, – рестораны, кафе, закусочные, кондитерские, пиццерии. Они повсюду: на набережных, площадях, улицах. Если улочка хоть чуть шире, чем совсем узкая, обязательно на одной ее стороне, притулившись к стене, стоят в ряд столики со стульями. Только центральная улица не заставлена столами. Из-за обилия всех этих заведений, старый город пропитан кулинарными запахами, но доминирует над всеми запах жареного морского окуня.

По виду Дубровник – западноевропейский город. Облик города с католическими храмами, княжеским дворцом, мэрией формировался в 14-15 веках. С 15 века сохранились построенные итальянцами фонтаны, воду из них можно пить, и вода лучше, чем в водопроводе в Тивате. В городе присутствует смешение стилей, есть все: грубоватый и простой прибрежный адриатический, готика, ренессанс, барокко. Например, княжеский дворец отстроен в двух стилях: первый этаж в ренессансном, а второй в готическом.

Все же Дубровник производит впечатление какого-то туристически-бутафорского городка. Возможно от того, что очень тщательно отреставрированы крепостные стены, мостовые, дома (он был сильно разрушен в годы Второй мировой войны), не осталось этой «патины времен».

В Дубровнике в сфере услуги уже встречаются знающие русский. Мы зашли в кафе-мороженое и по своей великодержавной привычке обратились к девушке по-русски. Сама она сказать нам ничего не смогла, пыталась по-английски говорить, но где-то поодаль работал парень, который ей перевел наши вопросы, она повторяла за ним ответы на ломанном русском.

Третьего августа, опять же с Драганом, мы отправились столицу Черногории Цетинье. Здесь находится официальная резиденция президента страны – Голубой дворец (мы его так и не увидели). Кроме осмотра столицы нашей главной целью было посещение Цетинского монастыря, где хранится десница Иоанна Крестителя. После этого мы должны были ехать в деревню Негоши, на родину Петра II Петровича Негоши. Он – настоящий кумир черногорцев: князь, владыка, философ, поэт.

Мы поехали по той же дороге вдоль Будванской ривьеры. Когда проезжаешь мимо приморских городков и сел, кажется, что построены они для отдыха и беззаботной жизни. В наших деревнях возле каждого двора приметны тяжелого

крестьянского труда: сложены большие поленницы дров, высятся стога сена, тянутся нескончаемые огороды, на задворках растут навозные кучи, По всей округе – кладбище доисторической сельхозтехники. Здесь же не увидишь никаких следов тяжелой деревенской работы. Дворики засажены цветами, зеленеют ухоженные газоны, гнутся ветви от плодов фруктовых деревьев. Затейливые балкончики и террасы увиты плющом и виноградом. Это обязательно. А где прикажете пить вино и ракию после того, как все цветы и газоны политы? Мы видели, конечно, обливающихся потом мужчин, которые сидят под куцыми зонтами возле машин с арбузами где-нибудь на пустынных окраинных улицах. Но и только.

При этом все те, с кем мы разговаривали, считают, что жизнь стала труднее.

– Раньше, – говорила Маша, – собирались родственники, чтобы попить кофе, пообщаться, поболтать, а теперь только работа, работа и работа. Я работаю с 9 и до десяти вечера, с перерывом на фиесту с 12 до 4, хотя и в это время часто здесь сижу. Но и после работы до 11, 12 вечера заполняю бумаги. Ребенка своего я не вижу, выходных у меня нет. Ну, когда сезон заканчивается, становится немного легче.

Могу добавить, что при этом Маша была беременна, примерно так на 6-7 месяце. С грустной иронией о чудовищных нагрузках людей, работающих в сезон в туристическом бизнесе, говорил и гид Филипп, о веселом и остроумном Филиппе расскажу чуть позже.

Сама столица и разочаровывает, и подкупает своим патриархальным видом. Когда Цетинье стала резиденцией князя и столицей Черногории, в ней было 34 дома. И сейчас Цетинье – небольшой захолустного вида городок с населением, как уже упоминалось, в 16 тысяч человек, застроенный двух-трех этажными домами. Он расположен в небольшой долинке и поэтому насквозь просматривается с севера на юг и с запада на восток. Архитектура несколько отличается от приморской. Здесь выпадает и лежит снег, поэтому крыши домов островерхие, железные, а не черепичные. В Цетинье располагается резиденция правительства Черногории. Городок, тем не менее, депрессивный, работы нет. Было здесь два предприятия, но теперь они не существуют, мы видели их руины. Люди едут искать работу на побережье и в Подгорицу. Еще в Цетинье очень низкие цены на сувениры.

Сильное впечатление на меня оказал дворец черногорского короля Николая I Негоши, не потому, что он был роскошный, а потому, что удивительно скромный: небольшое светло-зеленое двухэтажное здание, окна с белыми деревянными ставнями. Единственное украшение – портик с балюстрадой, лепниной на фризе. За домом – небольшой сад с одной круговой аллеей, засыпанной крупной неудобной для ходьбы щебенкой. Более скромных королевских резиденций я не видела. Многие дома на побережье затейливее и краше этого дворца. Так случилось, что Николай был первым и последним королем Черногории. Тем не менее, он из числа своих дочерей наделил женами многих принцев и королевичей Европы, так что его даже стали назы-

вать «свекром всей Европы». Его прах и прах его супруги Милены покоится неподалеку в Рождественском храме.

Цетинский монастырь считается и религиозным центром Черногории, основан в 15 веке, но неоднократно разрушался и перестраивался, последний раз – в 1927 году. Восстановлен был на новом месте. Он строгий, простой, светло-серого цвета. Неподалеку, на его развалинах, в 19 веке построили еще одну Рождественскую церковь. Она расписана неизвестным и довольно умелым русским иконописцем.

Драган, ведя нас в монастырь, заявил: «Как только мы войдем в монастырь, считайте, что меня нет, я растворился в воздухе. Я не совсем понимаю их требования и не на что повлиять не смогу. Вам скажут, чтобы вы подождали 20 минут, даже если храм, где выставлена десница Иоанна Крестителя, будет совсем пуст».

Цель посещения Цетинского монастыря, конечно, поклонение самой драгоценной святыне, которой обладает монастырь – деснице Иоанна Крестителя, руке, которая благословляла Иисуса Христа. Попала она в Черногорию вместе с частичкой голгофского креста и чудотворной иконой Божией Матери «Одигитрия Филермская» из России. До этого святыни принадлежала рыцарям Мальтийского ордена. На Мальту были привезены из Константинополя. Вскоре после завоевания Мальты турками глава Мальтийских рыцарей привез их в Россию и передал русскому императору Павлу I, который, как известно, был членом Мальтийского ордена. После революции 1917 года святыни попали в Европу, кочевали от одного хранителя к другому, пока не оказались в Черногории.

На крыльцо вышел монах и, как предупреждал нас Драган, сказал, что нам надо подождать минут 20-30, подготовиться, подать записочки. Говорил по-русски с легким акцентом. И другие монахи в монастыре знали русский. В притворе было много платков, которыми чрезмерно оголенные дамы укутывали плечи и колени. Ну, а голову в черногорских церквях женщины не покрывают. Но все русские паломницы по своему обычаю надели шарфы и платки. В открытом дворе стояли большие покрытые крышей поддоны с водой для свечей, над поддонами таблички: слева – «за мертве», справа – «за живых». В одном из притворов мы стали писать по-русски записочки с именами родных и близких. Монах из пожертвований от каждого паломника брал несколько монеток и кидал их отдельно.

И вот, когда образовалась большая очередь нас стали запускать в храм. Справа под иконостасом стояла рака с мощами черногорского святого Петра I Цетинского. В этой раке – ковчег с десницей Иоанна Крестителя. Это ссохшаяся черная рука, на ней нет двух пальцев – мизинца и безымянного. Положена она так, что этого не заметно, кажется, что рука сложена в двуперстном благословении. Она покоится как будто бы на белой вате.

Сам храм небольшой, даже тесный, с большим количеством прекрасных икон.

У меня от посещения монастыря остался некий осадок и несколько неприятных вопросов. Почему святыню – икону «Одигитрия Филермская» – держат в музее, пусть даже и монастырском, и показывают за деньги? Этот образ – один из древнейших, если верить легенде, ему около двух тысяч лет. Почему десница Иоанна Крестителя положена в раку черногорского святого (хочешь – не хочешь, а поклонись ему)? Почему непочтительно ведет себя стоящий при святынях слугитель? Он так оживленно болтал с монахом, что было заметно: отнюдь не богословские темы они обсуждают. Почему появляются крепко выпившие мужчины в храме? Перед нами в очереди стояли, «источая» сильный перегар, двое краснолицых сербов. Подойдя к раке, они так и не приложились к святыням, а просто поглазели на них. Почему искусственно создается почти получасовое ожидание? И я вспомнила о монастыре Острог, где люди по два часа выстаивали на жаре в отнюдь не искусственной очереди.

В деревню Негоши мы ехали по великолепной горной дороге. С перевалов нам открывались деревеньки, «каменные моря», каменные башни-цистерны для сбора дождя.

Петр II Негоши является для черногорцев, так же, как для нас Пушкин «их всем»: поэтом, правителем, красавцем, мыслителем, духовным лидером. Рано умер от туберкулеза, не дожив и до сорока лет. Он завещал похоронить себя на самой высокой горе Ловчен. С нее, как утверждают, в хорошую погоду видна вся Черногория.

Прежде, чем попасть в Негоши, мы остановились перекусить, вернее, попробовать пршут в небольшом кафе, примостившимся на горной террасе. Негошский пршут считается самым лучшим. Рядом с кафе специально для посещения туристами стояла коптильня. В коптильне Драган произнес настоящий поэтический гимн и пршуту, и его приготовлению. В этот день наш гид был в ударе, в отличном настроении, в чем он нам признался. Драган шутил, вдохновенно рассказывал. Во-первых, среди его слушательниц на этот раз были только женщины и дети. Во-вторых, мне кажется, его вдохновляла сама тема: черногорский кумир, старинная деревня, традиционный черногорский уклад, что вызывало и у нас неподдельную заинтересованность.

Коптильня состояла из двух уровней. Окорока подвешивали под крышу, на втором уровне, внизу стоял железный чан, в котором разводили дым, именно дым, а не огонь. Для хорошего пршута важны не только и даже не столько состав дыма – чем дымить и коптить, но воздух, его аромат, которым пропитывается мясо. Самое благоприятное время для копчения это осень, в этот сезон меняются ветра, смешиваются северный и южный воздух, и все многообразие их ароматов впитывается мясом. Именно в Негоши такие благоприятные потоки воздуха, направления ветров, позволяющие готовить самый лучший пршут. Это все нам рассказал Драган. Чем не поэзия! Мне на самом деле больше понравился негошский пршут, чем магазинный. Правда, вокруг мы не увидели никаких свиноферм. – Свиной теперь закупают в Сербии, – пояснил Драган.

В коптильне стоял поднос с ракией, кофемолка, турка для кофе. Во время длительного процесса копчения здесь жарят зерна кофе, мелют их, заваривают, угощаются свежим кофе, попивают ракию, ведут неспешные беседы. Драган и нам предложил попробовать ракию, мы не отказались. Пршут – это чуть ли не национальная идея Черногории. Если вы уважаете гостя, то непременно должны подать к столу пршут.

В Негоши гид привел нас к Марьяне, у которой мы купили хороший пршут, домашний сыр. Она продавала и напитки, и мед и многое другое. У нее был добротное хорошо ухоженное хозяйство.

Кульминацией нашего пребывания в Негоши являлось посещение родового дома Петра II Петровича. Это был совсем простой деревенский традиционный дом из камня, в виде длинного барака, комнаты располагались «трамвайчиком». Там все устроено так, как при Петре в 19 веке: очаг, сундуки, поставцы. В витринах подлинное оружие Петра – кинжал и пистолет, его книги. В доме очень приятно находиться из-за прохладного особенного воздуха. А в подвальном помещении и вовсе холодно, здесь и без холодильников продукты хранились долго. Мы с удовольствием рассматривали деревенскую утварь, орудия труда, посуду, приспособление для изготовления сыра и прочее.

В Негоши живет один интересный, как мы говорим, самодеятельный художник, резчик по дереву. У него большая лысая голова, очки, низкий хриплый голос и любопытные добрые глаза. Художник в старом гараже создал галерею своих произведений: это роскошные резные кресла, вернее даже престолы, картины, музыкальные инструменты, иконы, пышные рамы. Многие в народно-патриотическом стиле. Все это он показывает бесплатно и не продает. Говорит, что оставит для внуков. Он был давним хорошим знакомым Драгана, Драган говорил о нем с особой теплотой, и он привел нас в этот музей.

Перед отъездом в Тиват мы обедали в ресторанчике в Негоши. Я под села к Драгану, и он любезно рассказал мне краткую историю Югославии, историю появления Черногории, и о том, как судьба свела его с русским языком. Меня поразило в его рассказе то обстоятельство, что Югославское королевство (как Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) образовалось в начале XX века на основе добровольного объединения балканских славян. В наши дни, когда все стремятся отделиться, это впечатляет.

От Драгана я наконец-то узнала, чем черногорский язык отличается от сербского. Ничем.

– Это один и тот же язык, просто в связи разделением стран пытаются выдумать и особый черногорский язык, – сказал он. – Вытаскивают какие-то старинные слова и объявляют их черногорскими.

В настроениях Драгана тоже чувствовалась ностальгия по югославским временам.

На причале рядом с «Ядром» каждый вечер пришвартовывалась прогулочная яхта «Весна». Матрос Желько из команды «Весна» прямо на набережной до 12 ночи продавал однодневные экскурсии по Бока-Каторской бухте. Володя очень

рекомендовал путешествие по Каторскому заливу, он считается одним из самых красивых на черногорском побережье. У Желько мы купили путевки.

Рано утром 4 августа я с дочерью поднялась на борт «Весны». Мы были первыми пассажирами и заняли самые удобные места на лежаках на верхней палубе. Вскоре мы увидели, что такое всечерногорский туристический «чес». Большими толпами стали прибывать пассажиры. Их привозили на автобусах с окрестных курортных городков: Радановичей, Петроваца, в том числе несколько автобусов из Будвы. И когда все уже под завязку было заполнено людьми, прибыла еще одна большая толпа. Мне это напомнило посадку на поезд в Казахстане, в Джамбуле. Ждали два прицепных вагона до Алма-Аты, перрон был переполнен людьми, которые хотели сесть именно в эти вагоны. И когда они подошли к перрону, оказалось, что вагоны каким-то неведомым образом уже были до отказа забиты пассажирами. Мне не надо фантазировать по поводу того, как во время войны происходит срочная эвакуация людей на поездах перед бомбежкой. Я это увидела и поучаствовала в этом в Казахстане.

Пассажиры стали высказывать недоумение по поводу численности туристов.

– Ничего, дружба, – успокаивал их толстый усатый матрос, – Триста человек можно.

Мы-то лежали на верхней палубе, а на нижней плотно сидели на деревянных скамьях. А что вы хотите за 15 евро?

Среди пассажиров было много сербов, их присутствовало даже больше, чем представителей остальных народов. Еще до отправления, разговорилась с одним пожилым усатым сербом. Он меня спросил на ломаном русском:

– В России сколько мужчин? Мало?

Я его поняла. Действительно приезжали в Черногорию в большинстве женщины и девушки или женщины с детьми. Что ему ответить? Что в России очень высокий процент разводов, что русские мужчины «до смерти работают, до полусмерти пьют»? Я сказала:

– У нас мужчины работают, а женщины ездят отдыхать, в России так принято.

– Сколько мужчин и сколько женщин? – не унимался усач, видимо, как я поняла, он хотел знать процентное соотношение.

– Сорок процентов мужчин и шестьдесят процентов женщин, – придумала я на ходу цифры.

Он согласно кивнул.

– А сколько сейчас в России? 144? – присоединился еще один собеседник.

Я поняла, что речь идет о численности населения. Смотри-ка, следят. Правда, данные устаревшие, за 2004 года.

– 143 миллиона, – уточнила я

– Нас с Россией миллионы, – начал усач знаменитую черногорскую присказку.

– А без русских полвагона, – закончила я.

– О! Знает! – восхитился усач.

А как же, готовилась! Столько сайтов прочесала. Меня умилило такое непосредственное и трогательно приобщение черногорцев к российской державности.

Нашим гидом на корабле был веселый молодой парень Филипп. Экскурсию он вел на трех языках: сначала на русском, потом этот же текст повторял на сербском, потом на английском. Мне этот приоритет нравился. Круиз был хорошо продуман, предлагалась разнообразная программа: посещение города Герцег-Нови, экзотическое купание в пещере, высадка на искусственный остров и посещение храма и музея. По ходу гид рассказывал о прибрежных достопримечательностях, мимо которых мы проплывали: городки, крепости, острова. В Бока-Каторской бухте остались приметы проигранного с капиталистической системой соревнования. Филипп указывал на брошенные военно-морские базы бывшей Югославии, тоннели для подводных лодок, которых уже нет, ржавеющие на приколе военные корабли, купленные когда-то у Советского Союза. Югославской армии нет – подвел он итог. И как мне показалось, Филипп, говорил об этом с сожалением. Все-таки Югославия была державой со своей идеей, культурным разнообразием, независимой политикой – даже СССР ей был не указ.

Показал нам Филипп и дачу Батуриной на горном склоне побережья, не помню, в каком месте. Помпезно-вычурное, очень большое строение желтого цвета издали представлялось как беспорядочное нагромождение архитектурных деталей. Драган говорил, что Батуриной приписывают застройки всех больших отелей на побережье. Достоверно лишь, что отель Splendid 5* в Бечичах наполовину принадлежит Батуриной. Это говорят сами черногорцы, и по стилю похоже – вычурный, гигантский, с архитектурными нагромождениями. Присутствие русского капитала в Черногории значительно. Русскому олигарху Олегу Дерипаске принадлежит единственное в Черногории действующее производственное предприятие – комбинат алюминия в Подгорице, как уже упоминала, и бокситовый рудник в Никшиче. Ходят слухи, что и миллиардер Сергей Полонский начал строительство эксклюзивного отеля на 25 этажей в Будве.

Первая остановка была в Герцег-Нови.

– Кто хочет, идет со мной на экскурсию по городу и в крепость, – сообщил Филипп. – У остальных – свободный режим. Стоянка в городе один час двадцать минут. Просьба не опаздывать. Но для тех, кто опоздает, есть хорошая новость: завтра ровно в 12.00 мы опять будем здесь, – шутил Филипп. – Обратите внимание на вон того грустного парня в желтой майке на берегу. Вчера он отстал от нас, сильно измучился, всю ночь ждал корабль у причала, и сейчас мы его возьмем на борт. – Парень в желтой майке, действительно, стоял у причала, возможно, это был матрос.

На берег нас вышло человек сто.

– Все русские, белорусы, украинцы, буряты, чукчи – за мной, – шутил Филипп, показывая хорошее знание постсоветской реальности.

«Как он будет управляться с такой оравой? И что мы услышим из его рассказа? Ведь у него даже нет микрофона?» – думала я. Но у Филиппа было все отработано. Он занимал на местности самую высокую точку, голос у него был громкий, Поджидая последних туристов, балагурил с теми, кто подошел первым,

выбирал себе воображаемых помощников, из числа детей. Говорил четко, очерчивал картину крупными штрихами, держал внимание, вообще, – профи.

Когда мы шли по причалу, Филипп объявил:

– Сейчас я вам покажу, как в Герцег-Нови уважают русскоговорящих туристов.

Он подвел нас к лотку с мороженым. На нем было написано на трех языках: «sladoled» (сербский), «ice-cream» (английский) и «МОРОЖЭНОЭ».

Конечно, смешно. Однако в Черногории сплошь и рядом встречаешься с ошибками в русском тексте на флаерах, в рекламных листовках, в буклетах. Что далеко ходить, на флаере, который мы взяли на яхте «Весна», и текст которого, наверное, написан был не без участия Филиппа, я нашла кучу ошибок. Начать с того, что в заголовке было написано «однодневная экскурсия». Потом предупреждалось: «За обзор этого города у вас один час», а «Перерыв на острове 40 минут».

То же я обнаружила в рекламных листовках агентства «Феникс». Я подчеркнула все стилистические и грамматические ошибки и указала их Марии. Мне казалось, что безупречный русский будет бонусом для их туристической печатной продукции. Но я заметила, что Марию не очень-то беспокоило правописание. Мы на что-то отвлеклись, и потом так и не вернулись к урокам русского языка.

Как было написано в рекламном листке Герцег-Нови – это город мимоз и лестниц. Я бы добавила: и любителей русских песен. Когда мы поднимались по длинной лестнице к крепости, на одном из поворотов вдруг слышались «Подмосковные вечера». Крепкий дедок в шортах стоял на углу, играл на гитаре и пел на ужасном русском эти «Вечера». Перед ним стоял лоток для денег. Он хорошо устроился – приличный прикорм каждый день. По этой лестнице ежедневно проходят толпы русских туристов. Запомнив три аккорда и пару строк, дед, думаю, зашибал хорошую деньгу на русском патриотизме. Когда мы возвращались обратно, он изображал «Катюшу», именно изображал: слов не знал, просто что-то невнятное мурчал под знакомый мотив. А почему Филипп ни разу не сострил по поводу того, как хорошо в Герцег-Нови знают и исполняют русские песни? Это осталось для меня загадкой. Может, дедок работал и на него?

Филипп преподавал нам азы черногорской истории. Мы узнали, что в Которской бухте 370 лет владычествовала Венецианская республика, Герцег-Нови и другие города находились под ее защитой и покровительством. Венецианцы построили множество крепостей, в том числе и ту, которую мы посетили. История Восточных Балкан – это история смены завоевателей. Сначала доминировали венецианцы, в основном на побережье, затем 400 лет турки, следом на западе хозяйничала Австро-Венгрия, здесь проходили наполеоновские войска, войска Третьего Рейха. И лишь теперь земли бывшей Югославии переживают подлинную независимость, кроме, конечно, независимости от «евро».

В крепости Герцег-Нови устроен самый большой амфитеатр. Кстати, в каждом городе, районе, местности было обязательно что-нибудь самое-самое: самое большое, самое чистое, глубокое или высокое – вот, учитесь, туроператоры!

Перед амфитеатром натянут большой экран (самый большой!), здесь проходят различные фестивали. С крепостных стен открывался прекрасный вид на бухту.

Чтобы не повторяться, сразу скажу, что прекрасный вид на бухту, море, побережья, мысы, острова, горы, прибрежные города сопровождал нас всегда, он «не закрывался».

В Герцег-Нови увидела, как растут киви. Была уверена, что киви эндемик, произрастающий в Африке. Оказалось – по всему Средиземноморью. Он вьется так же, как виноград

Затем, мы взяли курс на пляж Жаниц, естественно, самый-самый чистый в Черногории. В Жанице желающие пересели на катера и поплыли к Голубой пещере. Мы выплыли из Бока-Которской бухты в открытое море. Слева и справа мысы были одеты в крепостные стены, а посередине находился небольшой остров Мамула, на котором возвышалась неприступная с виду цитадель в виде цилиндра с маленькими бойницами. Она охраняла вход в бухту.

Голубая пещера – это огромный грот в скалах над поверхностью воды. Лучи света льются через проем, преломляются в воде, придают удивительный бирюзово-голубой цвет воде. Все четыре катера загнали в пещеру, заглушили моторы. И тут под сводами пещеры грянул вальс Штрауса «Голубой Дунай». Акустика была прекрасная. Мы стали прыгать в темную, теплую воду и плавать между катерами. Впечатление незабываемое. Плавали не долго, минут через тридцать с катеров раздались свистки, все стали подниматься на борт. И в обратный путь.

Следующей остановкой стал остров Богородицы на рифах или по-черногорски «церковь Госпа от шкрпъела». Как нам сказал Филипп, это единственный в мире искусственный (самый искусственный!) остров, на котором построена церковь. Храм католический, но история его возникновения обнаруживает интересные культурные и религиозные влияния. А именно: здесь в католических церквях отчетливо чувствуется православный культ икон. И сама история обретения иконы Богородицы в скалах, напоминает многие истории об обретении православных чудотворных икон. История такова: 22 июля 1452 года два брата на рифах – прибрежных скалах – обнаружили икону Богоматери с младенцем Христом. Они перенесли ее на берег, в город Пераст, поместили в церковь, но через некоторое время она опять оказалась на рифах. И так было еще два раза. Жители поняли, что икона хочет остаться на рифах. Горожане стали создавать искусственный остров. Они затапливали у рифов вражеские корабли, по преданию, под островом их покоится около 100 штук. Сыпали сверху песок и камни. А глубина была внушительная – 24 метра. В конце концов, возник остров, на котором построили церковь и поместили туда икону. Капитаны, матросы по сложившейся традиции делали особенные подарки церкви – серебряные таблички или слитки с надписями. И теперь этими потемневшими табличками выложен высокий фриз внутри храма.

Каждый день 22 июля жители Пераста устраивают праздник: плывут в украшенных цветами лодках к острову, бросают камни в воду, представляя то древнее сакральное событие, которое случилось когда-то у берегов их города. В этой

церкви очень любят венчаться, здесь проходит до 100 венчаний в год. Справа от алтаря вся стена увешана букетами невест.

Пераст интересен тем, что здесь была известная мореходная школа. И сюда Петр 1 отправил несколько десятков своих сподвижников, таким образом, из нее вышли первые российские мореплаватели. Недалеко от Пераста есть город, в котором традиционно строят свои богатые дома капитаны, боцманы, может, и моряки.

Дальше мы поплыли к Котору. Поскольку экскурсии по городу не предвиделось, мы в Котор потом съездили отдельно и самостоятельно. Но с моря открывался впечатляющий вид на которскую крепостную стену. Эта стена взбирается по отвесным склонам, каким-то фантастическим образом прилепляется к скалам, общая протяженность ее – 4 километра. Которская крепость с уникальными крепостными стенами относится к мировому наследию ЮНЕСКО. Через несколько дней в изнуряющую жару по солнцепеку я буду преодолевать 1,5 тысячи ступеней вдоль этой стены.

В Которе и Филипп, и большая часть туристов оставили корабль, на автобусах их увозили в Будву. На прощание Филипп сказал:

– В Которе находится единственная в бухте психиатрическая больница, и после окончания сезона я, капитан судна, матросы и повар пойдем подлечиться в эту больницу. А кто хочет к нам присоединиться, пусть подходит и записывается.

В его словах была грустная ирония. Судя по тому, что я уже знала, работали в сезон на износ, каждый день без выходных, с 7 часов, когда судно надо было готовить к отплытию и до 12 ночи, когда заканчивали продавать туры на набережной.

Яхта взяла курс на Тиват, на верхней палубе осталось не более 10 человек. Играла музыка, и молодые люди стали танцевать. Среди них выделялась одна изумительная сербка в серебристом купальнике, красивая, стройная, танцевала она профессионально, это была зажигательная румба или самба, или, может быть, ча-ча-ча. Мы подбадривали ее, хлопали в ладоши, кричали «браво!» Скоро все ее неуклюжие партнеры по танцам как-то стушевались, и красавица одна зажигала на палубе. Мы полчаса наслаждались великолепным шоу, пока уставшая девушка с улыбкой не произнесла:

– Вже не могу.

Зрители наградили ее горячими аплодисментами.

Хотя мы много раз проезжали Будву, видели ее отели, все же хотелось съездить туда специально: посетить Старый город, искупаться на будванском пляже. Старый город Будвы, небольшой, почти игрушечный, на расстоянии производит чудесное впечатление, как будто вот-вот попадешь в сказку. Но когда оказываешься внутри – все это впечатление рассеивается. Испытываешь недоумение. Здесь остро чувствуются катастрофические последствия отсутствия общественных туалетов. На крепостных стенах устойчивый запах мочи. Но по-настоящему шокирует все тот же мерзкий запах мочи у алтарной части маленького, но очень ладного храма святого Саввы, между прочим, основателя Черногорской Православной Церкви. Храм примостился на каменистом берегу моря. В его старых

покрытых потеками стенах, заросшем мхом и илом фундаменте сквозило время. Как можно было гадить возле этого храма!? Неподалеку от него торчала высохшая сосна – красноречивый символ «мерзости запустения».

Потом, во время прогулки, мы прошлись по территории некоторых отелей. Контраст меня поразило: трудно было отыскать соринку, да что там, соринку, на идеально подстриженных газонах не отыщешь и травинку, которая бы поднималась на миллиметр выше другой.

Позже Володя мне сказал, что в Будве очень слабый муниципалитет, который не может навести порядок в городе. Однако то, что творится в Старом городе – не просто беспорядок, а кошунство.

Прохаживаясь по будванским улицам, мы видели потоки отдыхающих с сумками, полотенцами, кругами, устремляющиеся к пляжам. Причем, наших соотечественников можно было отличить по сосредоточенным, серьезным закрытым лицам – как будто они по переходу московского метро спешат в свой офис на работу. А может быть, это были те, которые приехали недавно и не успели «смыть» напряжение?

Мы остановились около уличного торговца турами Душко. Он долго агитировал нас поехать в Сербскую республику, которая и не Сербия, а особое государственное образование на территории Боснии и Герцеговины. Мы пообещали подумать, а пока попросили показать дорогу на пляж.

– На этом берегу грязно очень, не ходите туда. Здесь недалеко причал, садитесь на катер и плывите на остров святого Николая, – решительно советовал Душко. – Три евро стоит билет туда и обратно.

Мы так и сделали. Остров очень красивый, с него открывается панорама города, над проливом летают на больших цветных парапланах отдыхающие. Правда, берег неудобный, в крупных острых камнях, но вода относительно чистая. А вот воздух... Ну, такого мы не ожидали. Он пропитан был бензиновым запахом. Без конца туда-сюда шныряли катера, пересекали моторные лодки, которые поднимали в воздух парапланы. Может быть, неблагоприятные потоки воздуха были в этот день над проливом, но до самого нашего отплытия в город бензиновый запах не развеивался.

На пляже нашими соседями слева была группа упитанных чернявых молодых людей, которые пили пиво, пялились на девушках в купальниках, громко разговаривали на языке, который мы никак не могли идентифицировать. И только когда приехали в Албанию, Катя сказала, что нашими соседями по лежакам в Будве были албанцы – она узнала этот язык. Албанцы развлекались еще и тем, что разбивали камнями пойманных морских ежей. У соседней справа была дорогая фототехника, и они исподтишка фотографировали всех подряд, в том числе и нас, и шумных албанцев. Видимо, студенты кино-фотофакультета готовили материал для отчета: «Как я провел этим летом».

Несмотря на противоречивые впечатления, мы остались довольны поездкой в Будву – все, что хотели, увидели, где хотели, побывали. В Будве очень уютный, утопающий в зелени, автовокзал. Зала ожидания нет, вместо

него – большое кафе, где можно попить кофе, сок, заказать мороженое, пообедать, но просто так сидеть не разрешается – извольте заказать что-нибудь. Мы выпили по чашке кофе и отправились домой.

Для нас было удивительным увидеть среди предложений туроператоров туры в Албанию. В «Фениксе» у Маши их не было. Эти туры предлагал Желько на набережной. О! Албания! Страна бункеров, диктатора Энвера Ходжи, некогда абсолютно закрытая и заповедная земля. Мне сразу захотелось поехать туда. Путевки стоили не дорого – 35 евро на человека. Была одна загвоздка – автобус отходил из Будвы в семь утра. Поэтому надо было либо рано-рано ехать на автобусе, либо на такси – еще двадцать евро. Так же и позднее возвращение создавало проблемы: как мы сможем добраться до Тивата. Все просчитав и взвесив, мы рискнули и взяли путевки в Албанию. 5 августа, накануне отъезда, поздно вечером пришли на набережную к Желько, и он по сотовому телефону заказал нам такси на следующий день на 6.00 утра до Будвы.

Такси пришло вовремя, мы познакомились с водителем Бошко (ударение на первое «о»). И у нас состоялся с ним интересный разговор (он немного говорил по-русски) относительно стандартов жизни в Черногории. Накануне Драган вызвал у меня неподдельный интерес к этой теме. И вот почему:

В одну из поездок я спросила Драгана:

– А вас не раздражает большое количество русских в Черногории, что они скупают здесь дома, недвижимость?

– Сказать честно?

– Да.

– Бывает, что и раздражает. Я говорю прямо, честно. Мы очень разные по менталитету. Я не всегда могу вас понять. Вот вчера одна туристка высказала мне претензии, что я плохо веду экскурсии, мало рассказываю. Но я стараюсь, я очень стараюсь, что ей надо было не пойму. Другие наоборот говорят, зачем вы нам так много рассказываете. Что же вы хотите? Не могу вас понять.

Надо сказать, что Драган, за редким исключением рассказывал сухо, без вдохновения. И где его взять, если рассказываешь 627 раз день за днем одно и то же. Да еще в их микроавтобусе постоянно барахлил микрофон. Но в целом он высказался не против присутствия русских, а против поведения некоторых из них.

Видимо, его действительно, разозлила бесцеремонная русская туристка, поэтому он, думаю, чтобы усть русских, рассказал нам в эту поездку о таком стандарте жизни у черногорцев:

Каждый черногорец имеет три дома: один на побережье, второй в столице, в Подгорице, и третий в том месте, где учится и работает. Также принято иметь несколько машин – три-четыре.

– Я не говорю, что, все это имеют, но это стандарт, к которому стремятся, – уверял он нас.

Вот, это стандарт! Америка отдыхает!

И вот я спросила у Бошко:

– А правда, что у многих черногорцев три дома, и что это для вас стандарт? Три дома и 3-4 машины.

– Какие три дома?! – изумился он. – Один!

С Бошко мы душевно побеседовали. Он признался, что, на его взгляд, лучше жилось раньше в Югославии, чем теперь в Черногории.

– Раньше после института у тебя была работа. А сейчас кризис, работы нет. Устроиться можно только в магазин, ресторан или таксистом. И там платят 300 (12000 рублей), реже 400 евро. Это мало. Пенсия в среднем 250 евро.

Бошко уже был на пенсии и подрабатывал таксистом.

Кстати, такие зарплаты не только в магазинах. Бояна, наш гид по Албании, молодая девушка, студентка экономического факультета университета в Подгорице, сказала, что экономисты тоже получают 250-300 евро, При том, что за квартиру в Подгорице надо платить 300 евро в месяц. А вот, гиды получают гораздо больше, поэтому Бояна летом подрабатывала гидом.

Приведу список цен на основные товары, мы их знали точно, так как каждый день ходили в магазин. Пока мы едем до Будвы, читатели могут с ними познакомиться или пропустить это абзац.

Все в евро. Евро летом стоил примерно 40 рублей. Один килограмм морской рыбы (очень хорошая!) стоит 9 евро, зеленый чай в пакетиках – от 0,5 до 1,5 евро, 1 кг. сыра – от 3 до 18, сосиски (по-черногорски «кобасица») – 2,5, но очень плохие, их не надо покупать дороже, лучше самые дорогие или вообще не покупать. Цены на пршут сильно различаются, в среднем – 9-10 евро за кг. Все фрукты – от 1 евро до 2,5. Овощи дешевле, например огурцы – 20 центов за кг. Мороженное – до 1,5, но в безлюдных местах можно купить и за 70 центов, пакет сока – от 70 до 1,5, чашка кофе (kafa) в кафе – от 1 до 2, смотря по тому, где расположено заведение, маленькая слоеная булочка с начинкой – 40 евроцентов в центре. Но на окраине за 40 центов можно купить большой слоеный рулет. Самый дешевые перекус обойдется в два-три евро: это кусок невкусной пиццы за 1-1,5, которую продают на всех углах, и бутылка воды за 0,5-1 евро. До вечера хватит. Билеты в музеи – 1-3 евро. Туры по Черногории и дальше – от 15 до 45 евро, но это без обеда и ночевки. Что касается алкоголя, то мы его не брали, но брат Володя сказал, что хорошее вино и ракия начинаются от 10 евро за бутылку.

Автобус в Албанию отходил от ресепшена отеля «Славянский пляж». Нашим гидом была молодая студентка экономического факультета из Подгорицы – Бояна (ударение на «о»), о которой я уже упомянула. Бояну я внимательно рассмотрела: чуть выше среднего роста с хорошей стройной фигурой, простое чуть удлиненное лицо, без всякой косметики (кстати, черногорки мало пользуются косметикой), каштановые волосы собраны на затылке в хвост. Одета была в длинное до пят синтетическое полосатое платье на бретельках, на ногах – резиновые пляжные сланцы. То ли бретельки у платья были очень длинные, то ли резинка на груди слабая, но Бояне часто приходилось подтягивать сползающее вниз платье. Держалась просто и уверенно.

Много курила. По-русски говорила бегло, хотя допускала стилистические ошибки.

Мы поехали знакомой дорогой вдоль Будванской ривьеры до Скадарского озера. Часть этого озера (одна треть) принадлежит Албании. Бояна вела экскурсию на двух языках – русском и английском. Она не была очень уж опытным гидом. У нее имелась толстая общая тетрадка, в которую она подглядывала, сидя на первом сиденье. Но вобщем, Бояна старалась, «не простаивала», рассказывала много. Публика в автобусе была многонациональная. Здесь присутствовали украинцы, русские, поляки, прибалты. Ни первые, ни последние не требовали вести для них экскурсию на их родной «мове», слушали русский. «Видели, как русский приобретает международное значение!» – втайне гордилась я.

В эту поездку мы дальше всего продвинулись по Будванской ривьере, миновали город Бар – крупный порт и железнодорожный узел Черногории. Вновь увидели берега Скадарского озера. Без всяких проблем, очень быстро прошли пограничный контроль: Бояна собрала наши паспорта, отнесла албанским таможенникам, минут через 15 вернулась в автобус и раздала документы пассажирам. И вот мы в Албании. Первая остановка в небольшом приграничном кафе – перекусить, попить кофе, передохнуть. Перед кафе – ухоженный зеленый газон, цветы, деревья – евростандарт. Правда, стоит сделать шаг за ограду – и увидите засыпанную мусором улицу. В кафе не торопятся убирать столы за посетителями. Кофе подают в крошечных чашечках, но хороший. Работают в кафе в основном молодые мужчины во главе с хозяином – толстым усатым албанцем. Дочери понравились молодые албанцы – очень красивые. Албанцы единственные оставшиеся в Европе представители древней иллирийской народности. И язык их стоит особняком в группе индоевропейских языков. Ну, на что похоже, например, это слово: «фалеминдерит»? А означает оно «спасибо». Национальная валюта – лек. Но с нас охотно брали евро. Катя попросила албанские монеты для нумизматической коллекции своего друга:

– Лаки, plies, лаки, – сказала она, заменив по забывчивости «е» на «а».

Албанцы не понимали. Подошел хозяин.

– Plies, лаки, – повторила Катя.

Хозяин, кажется, догадался и принес...бутыль с ракией.

– No! Your many, for collection!¹ – вспомнила я наконец-то нужную фразу.

Албанцы заулыбались. Бармен поставил перед Катей стеклянную пепельницу полную монеток, предложив ей выбрать столько, сколько захочет.

Мы сразу увидели, что цены в Албании еще ниже, чем в Черногории. Кроме того, в этом приграничном кафе нашли то, что долго искали в Черногории – джем из инжира по фантастически низкой цене – 2 евро за банку. Джем оказался очень хорошим.

¹ Нет! Ваши деньги, для коллекции!

Двинулись дальше. Во все глаза смотрим из окон автобусов – какая она, Албания? Бояна обращает наше внимание на первые встречающиеся бункеры. Но их очень мало, не больше 2-3 вдоль всей дороги. Впрочем, забудьте про Албанию как абсолютно закрытую страну бункеров и пешеходов, не имеющих личный транспорт. Этой Албании уже нет, а есть страна сплошной ударной капиталистической стройки. Вдоль дороги почти непрерывно тянутся поселки с построенными или строящимися коттеджами – сплошь трехэтажными. Я клевала носом, дремала, просыпалась через какое-то время и видела все ту же картину – коттеджи, стройки. Многие дома с недостроенными третьими этажами. Бояна объяснила нам, что здесь налоги с дома (недвижимости) до завершения строительства не берут, поэтому албанцы не торопятся, живут на первых двух этажах, а третий оставляют незавершенными.

Мы ехали в основном по равнинной местности до самого Дурреса, Дороги очень хорошие. Вдоль дорог уже создана приличная инфраструктура: придорожные кафе, высотные отели, огромные здания мировых автогигантов из стекла и бетона – фольксвагена, вольво, мерседес-бенс и других. Один, правда, небольшой участок ехали по четырех полосному автобану.

У Албании огромный туристический ресурс, она так же невинна в экологическом отношении, то есть, не отравлена никакой промышленностью, здесь низкие цены. Есть шесть национальных парка и 24 заповедника. Морское побережье (Адриатика и Ионическое море) тянется на 362 километра – и это золотое дно. А в Черногории протяженность побережья 299 километров и лишь 73 километра пляжей, которые обеспечили ей туристический бум. По моим представлениям Албания готовится к массовому приходу туристов, в том числе и русских.

И по этому поводу черногорцы начинают нервничать. Бояна признала, что в Албании строится много отелей.

– Но я думаю: кто будет в них жить? – выразила она сомнение в перспективах албанского туризма.

А я думаю, что если в далекий мусульманский беспокойный Египет русские валят толпами, то в тихую безопасную и дешевую Албанию рванут лавиной. Международный капитал тоже не дремлет. В Тиране видела огромное высотное здание Американского банка, флаги Евросоюза, и даже – филиал русского Альфа-банка. Будут делить лакомый кусок – морское побережье и все такое.

Видимо, желанием заполучить туристов, в том числе и русских, объясняется столь упрощенный проезд на границе. Русские уже несколько лет ездят в Албанию из Черногории. Есть уже русскоязычный персонал. В приграничной лавке сувениров молодая девушка-продавец уверенно и почти без акцента говорила по-русски. В Албании в советские времена учили в школах русский, но едва ли что-то сохранилось в памяти пожилых албанцев.

Первый город, в котором мы сделали остановку и немного прогулялись, был Шкодер. Он запомнился почти полным отсутствием молодых девушек на улицах и огромной православной церковью. Все девушки, видимо, выехали в Евросоюз, а православный храм, как нам сказала Бояна, это подарок Албании от Греции. В эпоху диктатуры Энвера Ходжи религия в Албании была запрещена, мечети и

церкви закрыты и разрушены. А в самой главной мечети на главной площади Тираны был устроен общественный туалет. Шкодерский православный храм интересен тем, что в центре, как в католическом костеле стояли рядами стулья. Весь он был, как с иголки, прекрасно расписан, обставлен. Традиционно албанцы являются мусульманами, но существовали и православные общины на территории Албании. Здесь по некоторым данным 20% населения являются христианами. И кстати, рядом с этим роскошным храмом «дежурила» мечеть не менее внушительного размера.

Приятно было узнать, что с Албанией по происхождению связана великая женщина XX века мать Мария Тереза. Ее здесь очень чтут. В Шкодере поставлен ей памятник. В Тиране в честь нее назван сквер, крупнейший в стране аэропорт тоже носит имя Марии Терезы. О ней нам подробно рассказала Бояна. Мать Терезы албанка² по происхождению; ее родители, католики, жили в Македонии, в Скопье, где она и родилась. В памятнике нет ничего пафосного. Мать Тереза стоит на одном из перекрестков Шкодера, склонившись и скрестив руки на груди. У памятника глиняные кувшины с живыми цветами.

Бояна с удовольствием указывала на неумелую и нелепую «электрификацию»: электрические провода вились поверх зданий, мотками висели на фасадах, провисали над улицами, от этого казалось, что город опутан паутиной. Однако в новых домах с электропроводкой было все нормально. Бояна часто повторяла, что Албания – это страна контрастов – и это отчасти так.

Я бы сказала, что сегодня Албания с жадной рвется к новому современному образу. В Дурресе, следующем городе, который мы посетили, это чувствуется очень сильно. Дуррес по виду – большой современный портовый город. Но по своей истории он очень древний. Город был основан как греческая колония еще в 7 веке до нашей эры. Здесь сохранилось множество уникальных памятников времен Древней Греции и Древнего Рима. Дуррес – это рай для археологов.

Бояна в автобусе предложила нам такой план:

– Здесь в центре есть высотный отель. Поднимемся на 15 этаж. Там открытое кафе с прекрасным видом на город, можно все увидеть сверху. Можно перекусить, попить кофе, есть бесплатный туалет. А потом еще час останется на прогулку по городу. Согласны?

Мы были согласны. Бояна предупредила нас, чтобы мы опасались цыган, которых много на улицах Албании, и ничего им не давали:

– Они облепят вас толпой, и вы не сможете убежать от них.

И вот Дуррес с высоты птичьего полета: видно открытое море, корабли на причале, бесконечные ряды цветных контейнеров у пирсов. Современные жилые комплексы с высотками. С другой стороны мы увидели очень хорошо сохранившийся расчищенный греческий амфитеатр или «колизей», как его называла Бояна. Туда и решили сходить в свободное время. Энергичные греки и здесь успели основать свою колонию. Амфитеатр оказался очень большим, потрогать

²В интернете есть данные о том, что родители ее - албаноговорящие аромуны (македонские румыны).

древние камни не удалось – он был полностью огорожен. Как я потом узнала из интернета, построен амфитеатр во 2 веке до нашей эры. При римлянах здесь устраивались гладиаторские игры. Сделав фото на память, отправились к автобусу.

Девушек на улицах Дурреса, как и в Шкодере было очень мало, если вообще встречались. Но при этом повсюду мы видели огромное количество магазинов для невест. Объяснить этот феномен я не смогла. Как в любом южном городе много уличных кафе. Очень много вывесок на английском, в том числе различных мировых фирм и брендов. По виду никто бы не сказал, что это город страны, которую еще недавно называли дырой Европы

И в Дурресе, и в других городах еще жива уличная торговля: на земле и на торопливо сколоченных прилавках выложен дешевенький ширпотреб. В Албании ниже уровня бедности живет 25% населения. После падения диктатуры Энвера Ходжи за годы разрухи, бедности, начиная с 80-х гг. за рубеж выехало больше албанцев, чем осталось в стране. За рубежом сейчас насчитывается 6 млн. албанцев, которые рассредоточились по Америке, в том числе и Латинской, Евросоюзу. А в самой Албании проживает 3, 8 млн. человек. Специализация албанцев за рубежом простая: мыть, мести, строить, плюс наркоторговля, сутенерство.

Из Дурреса мы отправились в столицу Албании – Тирану. Остановились на площади в центре города. Бояна подробно рассказала нам, где можно пообедать, где просто перекусить, какие цены в ресторанах. Показала, где главная улица, университет, мавзолей Энвера Ходжи, как пройти к монументу национального героя Албании Скандербегу, где сквер имени матери Терезы. На самостоятельный осмотр центра города и прогулку нам давалось два часа.

– Автобусы приедут за вами сюда же. Общественных туалетов очень мало, но в кафе в туалет вас могут пустить. Не теряйтесь и не опаздывайте, – сказала нам на прощание Бояна.

Мы стали выходить из автобуса, – а прямо у входа нас уже поджидал мальчишка с картонной коробкой дешевых сувениров:

– Ручки! Ручки! – выкрикивал он по-русски.

В коробке у него лежали ручки с прицепленными значками. Никто не интересовался его ручками. Автобусы с русскими из Черногории приходили ровно по графику, и мальчишка, видимо, специально приходил сюда, чтобы попытаться продать никому не нужные ручки, ну, купил то, на что хватило денег. Он уже знал Бояну, называл ее по имени.

Мы сначала решили посмотреть интересную христианскую церковь, недалеко от которой остановился автобус. Это, как мы потом выяснили, недавно отстроенный православный кафедральный собор Воскресения Христова. Ее создатель, как я поняла, хотел соединить образ христианской церкви и мечети как символ симбиоза Запада и Востока. И это сразу угадывалось в облике церкви. Она была покрыта большим полусферическим куполом, напоминающим купол Софии Константинопольской, которая, как известно, из православного храма превратилась в мечеть. Даже выступающие по бокам пилоны отсылали к облику Константинопольского собора. Колокольня была узкой и непомерно высокой, напоми-

нающей... минарет. Мне эта идея показалась интересной и вполне реализованной. Возможно, этот храм символизировала еще и идею религиозной толерантности албанцев.

Забыв все, что нам говорила Бояна про расположение и направление улиц, мы двинулись по главной улице в сторону и пирамиды Энвера Ходжи. Мне хотелось просто впитать атмосферу, энергетику города, посмотреть на лица. В Тиране нет столичного блеска, она напоминает скорее добротный провинциальный город. Но в архитектуре заметно большее разнообразие, чем в российских провинциальных городах. На улицах не многолюдно. Хотя это можно объяснить тем, что мы оказались здесь в полдень, и над городом стояла в этот день испепеляющая жара – под пятьдесят градусов, не меньше. Мы постоянно прикладываем к бутылке с водой и поливали себе голову и руки.

Видно, что иностранцы для Тираны пока еще не такая уж обыденность, их отличают и смотрят на них с интересом. Молодых девушек в столице оказалось достаточно, видимо, отсюда они массово не уезжают.

На перекрестке мы увидели пиццерию и решили перекусить. Попросили у продавца пиццы – молодого парня – «two пицца». Услышав наш ломаный английский, он спросил:

- Which country you are from? (Из какой вы страны?)
- From Russia.
- Вы русски? – вдруг спросил нас парень на русском.
- Говорите по-русски? – изумилась я?
- Чу-чуть.
- Удивительно!
- Здесь много русских бывает?
- Есть, – кивнул парень.

Мы уточнили у парня, правильно ли мы идем к пирамиде Энвера Ходжи. Он сказал, что правильно.

- Как по-албански «спасибо»? – спросила я на прощании.

И тут он произнес это длинное слово:

- Фалеминдерит.
- Фали...блам-бламбит, – бесславно поблагодарила я радушного парня.

Минуты через две мы дошли до пирамиды диктатора. Пирамида эта строилась как музей Энвера Ходжи, открылся в 1988 году (к 80-летию со дня его рождения). А в 1991 году экспозицию музея демонтировали и позже переоборудовали в международный культурно-выставочный центр. Не шедевр: не очень высокое стеклянно-бетонное сооружение, на котором торчат спутниковые тарелки, антенна. В нем есть бар «Мумия». До сегодняшнего дня существуют противоречивые данные, лежал ли в пирамиде мумифицированный Энвер Ходжа или его сразу похоронили.

Двигаясь дальше по улице, мы набрали на президентский дворец, окруженный парком. В почетном карауле у въезда стояли высокие стройные красавцы в беретах и белых перчатках с мушкетами или, может быть, ружьями. Катя не

смогла удержаться: она кокетливо заулыбалась и помахала гвардейцам рукой. Двое ответили улыбкой, а один даже едва заметно махнул в ответ. Катю это воодушевило, она и другим гвардейцам стала посылать знаки внимания, но я, помня о некогда всесильной тайной албанской полиции «Сигурими», остудила ее пыл:

– Хватит махать, а то загребут, как русских шпионок, которые соблазняют гвардейцев с целью проникновения в Президентский дворец.

Прячась от жары, мы немного посидели в сквере в не очень густой тени деревьев. Недалеко от сквера на углу, увидели небольшой бункер. В городах бункера убрали, а этот, в центре города оставили, пытаясь приспособить его под уличную торговлю. Что такое албанские бункера я поняла лишь тогда, когда увидела их. Технология их изготовления очень проста: роется яма, ну, наверное, чуть выше человеческого роста, она закрывается стандартной полусферической бетонной крышкой с узкой щелью с одной стороны – амбразурой. Яма, наверное, тоже цементируется. Бункер поднимается над землей примерно на метр, в диаметре небольшой бункер составляет метра три. Есть и большие бункеры, но принцип их создания такой же. Так вот, небольшой бункер в центре Тираны был раскрашен в веселенький оранжевый цвет. На нем было написано: «orange». Однако никакой торговле в бункере не было. Рядом располагался киоск печати, где открыто продавалась книга Гитлера «Mein Kampf».

Напоследок мы решили посмотреть монумент Скандербега – эта скульптура, как я поняла, является духовным и идейным центром Тираны. А Скандербег – главным кумиром албанцев, ведь именно Скандербег сделала Албанию независимой страной. Поплутав немного, и поспрашивав у прохожих:

– Tell me, plies, wehe is monument Skanderbeg? –

Мы наконец-то добрались до конечной точки нашего путешествия. Памятник хорош, детализирован, но очень неудачно расположен. Скандербег почему-то скачет в конец проспекта. Со всех сторон его огибает дорога, подойти к нему можно только по переходу. Вокруг очень много пустого пространства и герой как-то теряется, скульптура мелковатая для такой площади.

От жары уже мутило. Мы двинулись обратно к нашему автобусу, кондиционерам и прохладе.

Мальчишка с ручками опять поджидал нас у автобуса. Никто его сувениры не купил. Когда мы отъезжали, рассерженный мальчишка показал неприличный международный жест всем российским туристам и сопроводил его соответственной фразой. Но даже этого никто не заметил, кроме Кати, которая потом мне об этом сказала.

Дорога обратно для гида – самая приятная: он уже отработал и может расслабиться. Но у Бояны остались кое-какие рассказы и для обратного пути, правда, я их все забыла. А потом она позволила себе просто поболтать и пошутить с туристами.

Мы узнали, что Бояне осталось учиться на экономиста в университет один год.

– Я обязательно закончу, – сказала она, – хотя экономисты получают гораздо меньше, чем гиды.

Потом она предложила конкурс:

– Банку пива тому, кто мне ответит на вопрос, что такое «слава»? – объявила Бояна.

Я уже знала, что такое «слава», но ответить не успела, да и пиво не люблю.

– В России, я знаю, нет такого праздника. Это семейный праздник. У каждой черногорской семьи есть святой покровитель. В день его поминовения празднуется «слава»: собирается вся семья, накрывается стол.

Потом она спросила:

– А знаете, как празднуется традиционная черногорская свадьба?

Мы попросили Бояну рассказать. Она сказала, что жених и невеста одеваются в национальные наряды. Во время свадьбы исполняется танец оро. Кульминацией оро является «двухэтажный» хоровод молодых ребят внутри большого круга. Бояна добавила, что, когда будет выходить замуж, то они сыграют традиционную свадьбу.

– А если ты замуж за иностранца выйдешь, ну, приведешь домой албанца, например? – добродушно спросил дедок, сидевший рядом с Бояной на переднем кресле.

– У! Тогда папа... – Бояна показала понятный всем жест, проведя ладошкой по шее, и рассмеялась.

Кстати, для тех туристов, кто хочет посмотреть на местную свадьбу уже предлагается услуга в Будве за 40-50 евро: «Традиционная черногорская свадьба». Автобус увозит туристов в горное селение, там накрываются столы, подают исключительно национальные блюда: барашка в соусе, пршут, каймак, ракию, вино и все такое. К услугам туристов ряженные жених и невеста, танцы, игры.

Приехали мы в Будву уже в сумерках. Вот масштабы! Один день – одна страна. Причем, за 14 часов объездили пол Албании.

– У нас есть такая традиция: если вы остались довольны экскурсией, вы можете оставить вознаграждение для водителя, – сказала Бояна.

А он-то при чем? Флегматичный тусклый и тучный водитель едва ли слово сказал за всю дорогу и ничем особенным не отличился. Я и имя его не запомнила. Про такую традицию слышала в первый раз. Думаю, что Бояна хитрила, деньги предназначаться должны были ей или им двоим. Водителя оценили низко, положили ему лишь два евро, и я кинула 50 центов.

– Пятерка вам, Бояна, – сказала я на прощание живой девушке.

Бояна приняла мою оценку искренне:

– О! Спасибо большое!

– Мам, ты ей завысила, – сказала мне потом Катя.

– За старание.

Приехали в Тиват уже в 10 часов – уставшие и полные впечатлений.

Теперь у нас оставалась только одна неосуществленная поездка – в Котор.

Поездка в Котор началась с неприятного происшествия. У нас было расписание, согласно которому в 9.30 от автовокзала Тивата отходит автобус до Котора. К 9.30 прибыл автобус, в маршруте которого было обозначено много городов, в том числе и Котор, Будва, Бар. Я-то уже знала, что Котор в другом заливе находится, а Бар далеко за Будвой. «Наверное, сначала поедет в Котор, а потом в Будву и дальше», – подумала я. На всякий случай, прежде, чем покупать билет, подошла к автобусу и спросила у водителя:

– В Котор – можно?

Он кивнул. Мы сели в автобус. Кстати, в перевозках пассажиров работают разные компании и у некоторых, у большинства, автобусы раздолбанные. Чаще всего между городами мы на таких автобусах и ездили. Но у турфирм транспорт комфортабельный.

В Котор автобус не повернул, прибыл в Будву. Мы занервничали. Стали садиться пассажиры, которые направлялись к острову Свети Стефан, то есть еще дальше от Котора за Будву. Водитель в это время вышел. Я пошла его искать, нашла на перроне:

– Ну, Котор, когда? – спросила я.

– Другой автобус, другой автобус, – пробормотал он.

Неужели смошенничал ради этих 12 евро, которые мы ему заплатили!? Никаких черногорских ругательств я не знала. Вызвала Катю из автобуса, и мы пошли к кассам покупать билет до Котора. От Будвы до Котора ехать напрямую через тоннель минут 20-30, так же и от Котора до Тивата. А мы вместе с ожиданием и поездкой в ненужном направлении потеряли часа два.

Котор считается морской столицей Боко-Которской бухты. Нашей целью было посещение только старого города и знаменитой крепости Святой Иван, которая, как уже говорила, относится к всемирному наследию ЮНЕСКО. Именно поэтому в Котор приезжает очень много иностранных туристов: французов, немцев, японцев, голландцев и конечно, русских. Группа туристов из Японии мне запомнилась. Гид обмахивалась замысловато, в японском стиле расписанным веером. Некоторые дамы были в перчатках, а молодые люди в шерстяных олимпийках – это в такую жару, когда невозможно было утолить жажду! Особенно поразила меня одна дама, тоже в белых перчатках и в кокетливой шляпке. За ней повсюду ходил молодой человек с фотоаппаратом на штативе, и по желанию и выбору фотографировал даму, устанавливая штатив и тщательно настраивая фотоаппарат.

В старом городе все типично: затертые до блеска мощеные узкие улицы и площади, множество кафе и ресторанов под открытым небом и церкви, встречающиеся на каждом шагу. В старом Которе их 11. В одну из них меня почему-то не пустили (редчайший случай!), я не поняла почему, может быть из-за шортов. Причем это была самая знаменитая церковь в городе – собор святого Трифона, освященная еще в 1166 году – старейший памятник романской архитектуры. Здесь покоятся мощи святого Трифона.

Старый город Котора знаменит еще средневековым позорным столбом. Его я нашла на одной из площадей. Об этом столбе нам говорил Филипп. К

нему привязывали провинившегося, и каждый житель мог с ним делать все, что хотел... А ведь совсем рядом стояли христианские церкви. Массивный четырехгранный каменный столб высотой примерно в полтора-два человеческих роста имел пирамидальное завершение.

В заключении нам надо было сделать последний рывок – подняться к крепости Святого Ивана, преодолев 1,5 тысячи ступеней. Общая длина крепостных стен Старого города достигает 4,5 километра, высота – 20 метров, ширина – 15 метров. Стены поднимаются высоко в горы вплоть до крепости Святого Ивана.

Катя была уже абсолютно пресыщена туристической романтикой. Она никуда не хотела идти, ни на что не хотела смотреть, ничего не снимала, и мотала головой, когда я предлагала ее сфотографировать. Я оставила ее у фонтана, куда стекались туристы всех национальностей и мастей (скучно не будет).

– Сходи в кафе выпей кофе или мороженое съешь, но через два часа будь здесь, – наказала дочери.

Я начала восхождение, как раз в самое пекло. Подъем этот, тем не менее, был чудесным. С каждым пролетом открывались новые и новые прекрасные виды – города, залива, крепостных стен, гор. Сама эта грубая каменная крепостная эстетика производила сильное впечатление: вот, казалось, появится какой-нибудь воин с алебардой на очередном повороте.

Но на очередном повороте появился не воин, а торговец водой. Я уже исчерпала все запасы воды и страшно хотела пить. Я поднималась примерно в одном ритме с молодой парой из России. Время от времени мы вместе сидели в тени и отдыхали. Они примостились как раз рядом с торговцем. И тот радушно предложил мне купить у него воду, что я и сделала. Мы потолковали с ним, насколько позволяла общеславянская языковая близость. Из этого разговора я сделала вывод, что русский с сербом всегда найдет общий язык. По возрасту он был моим ровесником. Прежде работал ветеринаром, а теперь гостил у сына, который учится по туристической части. Дочь живет в Белграде, закончила философский факультет (вот, сколько я уразумела из его речи!).

– А то, – сказал он, указывая на свою большую синюю сумку набитую бутылками с водой, – малый бизнес.

Он любезно предупредил, что здесь в крепости много змей и надо ходить в высокой закрытой обуви и быть очень осторожным. Поинтересовался, чем я занимаюсь.

– Преподаю культурологию, культуру в университете.

– То лепо, добро, – сказал он мне.

Беседовать с ним было приятно, но внизу меня ждала Катя, а контрольные сроки истекали.

Я все-таки добралась до конечной точки, где был установлен черногорский флаг, и поднялась еще на один пролет выше, чтобы засвидетельствовать первенство России.

Катя не встала со скамейки за все эти два часа – глазела на туристов и кошек, которые здесь свободно гуляют по улицам и площадям. Которские кошки – своеобразный бренд старого города. В лавках множество сувениров, связанных с кошками: милые тряпичные кошечки в джинсовых комбинизончиках с бантиками и челочками. Но реальные которские кошки представляют собой довольно жалкое зрелище, хотя их регулярно кормят. Они облезлые и у них совершенно нет зубов. Это мы увидели, когда решили угостить одного большого черного кота куском сосиски. Он долго возился с этим куском, не мог прихватить и, наконец, мы заметили почему – у кота не было ни одного зуба. Зубов нет даже у котят.

Был в Которе и еще один поразивший меня эпизод. Мы по-прежнему отдыхали у фонтана, и вдруг услышали за крепостной стеной какой-то странный трубный звук, даже рык, сильный и резкий. Не обратили особого внимания, но звук стал приближаться. И вот через крепостные ворота в Старый город вошла группа туристов. Одна пожилая пара вела девочку лет 15-16, которая периодически и издавала этот дикий звук:

– Те-е-е! Те-е-е!

У нее было красное от жары лицо, выпученные глаза, она с трудом шла. Женщина подвела ее к фонтану, помыла лицо, напоила. При этом девочка расплакалась и не переставала рычать. Видно было, что у нее отсутствует всякое самосознание. Когда ее не держали за руку, она бесцельно куда-то ковыляла, потом внезапно останавливалась, издавая единственный очень громкий звук:

– Те-е-е! Те-е-е!

Группа, судя по речи, была из Франции. Меня восхитила как сама пожилая пара, которая не побоялась взять эту страшненькую девочку с собой в путешествие (видимо, внучку), так и вся группа, которая приняла ее, проявляла сочувствие и полную терпимость.

До отлета оставался один день. В этот последний день мне захотелось сходить на литургию в ближайшую церковь – храм святого Саввы. Он находился неподалеку от площади Магнолия, на перекрестке.

Вообще в Черногории по городам и весям, на островах и возвышенностях можно увидеть множество церквей. Почти 400 лет сербы были под властью турок, поэтому православные храмы и монастыри, как и в целом, исповедание православия, являлись своеобразным оплотом свободы, символом национальной и культурной самоидентификации. Стоит церковь – значит, жив дух свободы и православия. Большинство из них совсем маленькие, объемом в одну небольшую комнату. Но эти крошечные церкви из светлого камня под красной черепичной крышей особенно трогательны. Они в своем крошечном размере имеют все необходимые атрибуты православного храма: полукруглую апсиду, выступающую с восточной стороны, на крыше над входом небольшую колокольню в виде арки с колоколом, иногда есть даже небольшой притвор с западной стороны. Но все эти церкви всегда закрыты. Мне не удалось в них попасть.

Грустное впечатление оставила одна маленькая церковь на острове св. Николая в Будве. К несчастью она оказалась прямо на территории пляжа. Стояла ненужная, закрытая давным-давно на замок, к ней не вилась никакая тропка. А ведь когда-то она ослепительно белела на берегу чудесного зеленого острова как столп и утверждение истины.

Белый поклонный крест, стоящий рядом, накрыл развесистый куст. Вокруг полуголые туристы подставляют свои бока под солнечные лучи – млеют. Или использовали тень от нее. Я подумала: какая чудовищная метаморфоза – от церкви нужна только тень на пляже! Уж лучше бы ее куда-нибудь перенесли или огородили. Я все ходила вокруг, заглядывая внутрь через узкие окна, щель в дверях. Разглядеть ничего невозможно – внутри мутный сумрак.

В церкви святого Саввы литургии в пятницу утром не было. Шла заказная панихида, в храме, кроме священника у аналоя стояли лишь двое: мужчина и женщина. Из объявления я узнала, что в пятницу вечером (то есть в этот же день) будет служба в 18.00. «Приду!» - решила я. Вечером в шесть часов церковь была еще пустая. Потом пришла одна молодая женщина. Продащица церковного киоска встала на клиросе и начала петь. Потом к ней присоединился священник. Другого священника я приняла за строителя, он ходил в комбинезоне какой-то фирмы – монтировал дверь с рабочим. Не надевая церковное облачение в этом же комбинезоне тоже начал служить. Итак, из прихожан нас было двое. Меня можно в расчет не брать – я приезжая. Осталась одна, молодая женщина, которая проплакала всю службу. Церковь была дорогая – внушительных размеров, из хорошо отделанного камня. Возвышался иконостас из красного дерева, свешивалось хрустальное паникадило. На украшенном цветной эмалью аналое лежала икона святого Саввы. Церковь еще не была расписана, достаивалась, и клирики очень серьезно были заняты строительством. Внутри храма открывалось прекрасное пространство, замечательно звучал голос священника. Молитвы на церковно-славянском оказались более понятны, чем современный черногорский язык. И они звучали очень красиво, видимо, это был знаменный распев. Косо ложились солнечные лучи, вился дым от паникадила. Но церковь была пуста. Служба продолжалась... двадцать минут. Как только закончилась служба, батюшка буквально рванул в алтарь, на ходу снимая, у меня даже сложилось впечатление – срывая епитрахиль. Не успели мы еще развернуться, как он уже оказался у выхода. Ни проплакавшая всю службу прихожанка, ни я, чувствительная, его не заинтересовали, он побежал к машине, поигрывая ключами.

Зачем построили эту дорогую, обреченную на пустоту церковь? В Тивате на 13 тысяч жителей их и так достаточно.

Когда мы улетали из Тивата, дождя не было, погода была отличная от «Средиземья» до Сибири, и ничего не предвещало неприятностей. Но они случились: в Москве мы опоздали на свой самолет до Кемерово. Я всегда этого боялась – опоздать на самолет – и это произошло. Как – сами не поня-

ли. Сначала в Тивате задержали рейс, но всего на двадцать минут, потом очень долго ждали свой багаж у багажной ленты, потом чуть-чуть плутанули, потом уже не могли найти на табло нашего рейса, вернее увидели сообщение, что регистрация на наш рейс закрыта. Но нас все-таки зарегистрировали, мы прошли контроль, попали в стерильную зону, метались по зоне вылета – и нигде не было ни одного сотрудника аэропорта, чтобы он направил нас в последние минуты в нужном направлении.

Потом уже нам сказали:

– Опоздали на самолет? Идите в представительство вашей авиакомпании – S7.

У стойки этой компании уже собралось приличное число не улетевших в разные концы страны. Молодой персонал отличался удивительной бестолковостью и не оперативностью. Два часа я пыталась решить проблему, пока за стол не села быстрая, опытная сотрудница в годах. В три минуты она перебронировала наши билеты на следующий день на тот же рейс – бесплатно. Тогда как до нее вялый, толстый паренек, то не мог никуда дозвониться, то нудил, что мы должны приобрести билеты снова через кассу за свой счет, хотя самолет их компании опоздал не по нашей вине.

Утром мы не поехали в Москву, проболтались в аэропорту до вечера, читая прессу и поглощая сэндвичи и кофе из SUBway. Вечером у стойки регистрации на Кемерово были первыми.

Тринадцатого августа мы прилетели в Кемерово, а уже 14 отправились в автопутешествие по Хакасии до Западных Саян. Но это уже другая история.

Специальная благодарность брату Владимиру, без щедрой финансовой поддержки которого не состоялось бы путешествие в Черногорию.

2 декабря 2012, г. Кемерово